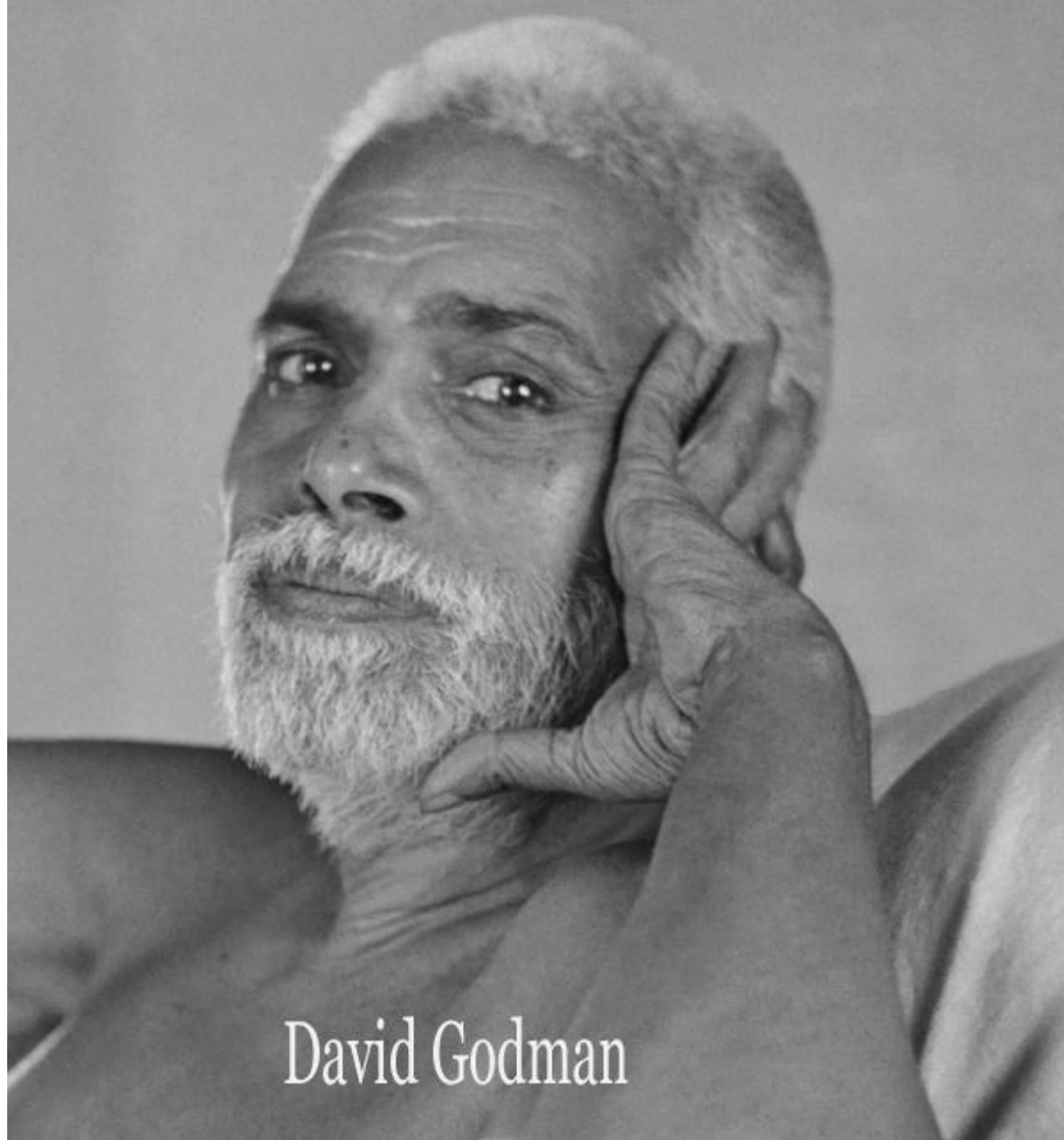

Mostly About Books

Recording the lives and teachings of India's Gurus

David Godman

В основном о книгах

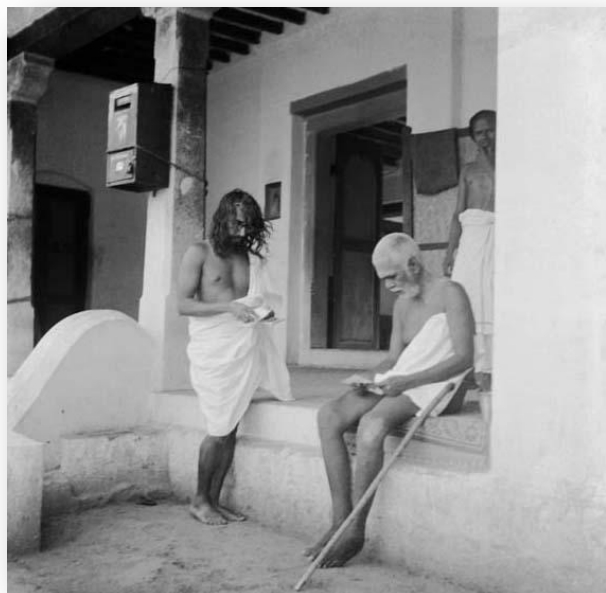
Материалы о жизни и учениях индийских Гуру

Около двенадцати лет назад у меня состоялась приятная беседа с моей гостьей Мишель Микклезен. Беседа длилась около часа, и в ней я осветил интересующий мою гостью вопрос о том, как были написаны некоторые из моих книг. Ей же настолько понравились мои истории, что она пришла ко мне ещё раз, уже с магнитофоном, и попросила меня рассказать их повторно. И в этот, второй, раз она продемонстрировала нечто такое, что можно было бы назвать женским вариантом мужской прямолинейности, заставив меня отвечать на спонтанные вопросы, вместо того чтобы провести интервью должным образом. Несколько дней спустя она всё же проявила достаточную любезность, предоставив мне копию записи нашей беседы, версия которой, отредактированная мной, следует далее. Спасибо, Мишель!

Несколько дней назад (в июле 2014 года) я решил обновить этот материал рассказом о том, над какими издательскими проектами я работал в течение последних двенадцати лет. Я думал, что этот обзор займёт всего лишь пару страниц, однако в итоге я умудрился увеличить исходный текст статьи более чем в два раза.

Мишель: Не могли бы вы для начала рассказать о том, как вы стали писателем?

Дэвид: К этому меня привёл ряд событий. Живя рядом с Раманашрамом в 1977 году, я видел, что в ашраме хранится много хороших духовных книг, к которым не так уж легко было добраться. Они находились под замком в комнате, расположенной рядом с коровником, а ключи держал у себя один угрюмый работник офиса, который никого в эту комнату не пускал. Я вызвался навести среди этих книг порядок и сделать из их коллекции библиотеку, к которой имели бы доступ все желающие.

Бхагаван сидит перед старым почтовым отделением ашрама, находившемся в помещении, которое располагалось справа от входа в коровник. Т. Н. Венкатараман, племянник Бхагавана, стоит рядом со входными дверями коровника. Рядом с почтовым ящиком стоит Мауна Свами – составитель многих отправленных от имени Бхагавана писем. В 1960-х гг. это почтовое

отделение было модернизировано и перенесено за пределы ашрама. Освободившееся в результате этого помещение занял Артур Осборн, который использовал его в качестве офиса, когда редактировал журнал «Горный путь». После того как в течение нескольких лет эта комната оставалась бесхозной, её занял я и около трёх лет заведовал там библиотекой ашрама (1978-81 гг.). Тогда у ашрама впервые после смерти Бхагавана появилась действующая библиотека.

Это были тысячи книг по всем духовным направлениям. Получив, наконец, эту работу, я открыл для себя, что большинство книг передавалось ашраму бесплатно, – издатели хотели, чтобы рецензии на их книги печатались в журнале «Горный путь», который издавался ашрамом. Далее я увидел, что сам процесс рецензирования находится в беспорядочном и умирающем состоянии. Книги отправлялись рецензентам, и те либо совсем не писали на них рецензий, либо так с ними тянули, что их рецензии приходили тогда, когда издание этих книг почти уже сворачивалось. Осознав, что поступление книг прекратится, если я не организую, как следует, процесс их рецензирования, я стал писать рецензии сам, лишь бы быть уверенным в том, что издатели удовлетворены вниманием к их книгам. Когда же редактор журнала понял, что я пишу хорошо или, по крайней мере, лучше, чем те авторы, с которыми он работал постоянно, мне была передана и другая писательская и редакторская работа. В итоге через два года я стал редактировать уже весь журнал, и, как я понимал, прежде всего, потому, что эта работа больше никому не была нужна. И сейчас, оглядываясь назад, я могу сказать, что писателем я стал только потому, что был хорошо обеспечен литературой для чтения.

Мишель: Когда к вам пришла идея написать именно книгу, а не просто рецензию или статью?

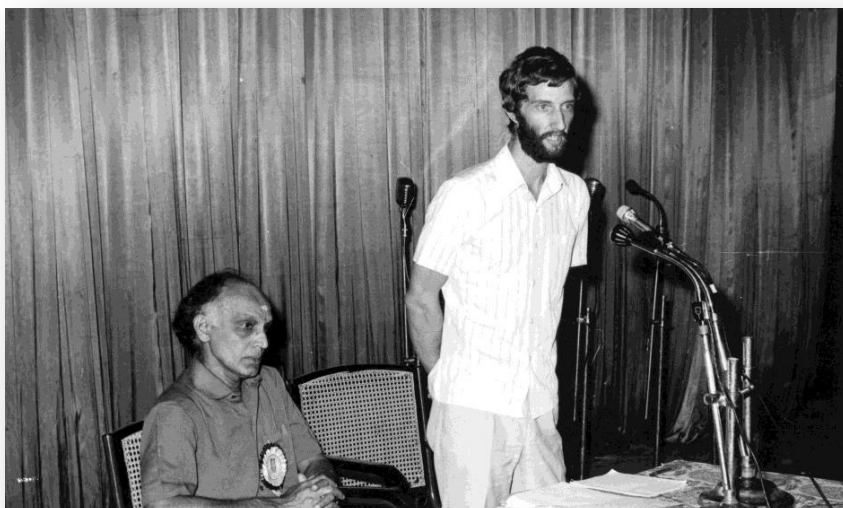
Дэвид: Думаю, эту идею мне подали учителя, рядом с которыми я находился. Мне самому такая мысль не приходила. Когда в конце 1970-х гг. я посещал Нисаргадатту Махараджа, я сказал ему, что пишу рецензии для «Горного пути». Он тогда очень пристально, почти свирепо, на меня посмотрел и сказал: «А почему ты не пишешь книг об учении? Важность имеет именно учение». Я помню, что был очень удивлён такой постановке вопроса. До тех пор подобная мысль не возникала у меня никогда. Да и после я ещё долго не воплощал её в жизнь, однако когда, наконец, я всё-таки к этому пришёл, то вспомнил и слова Махараджа, и ту силу, с которой они были сказаны. Скорее то был приказ, чем совет.

*Нисаргадатта
Махарадж в своей
комнате во время
сатсанга с
Мулларпатаном
(справа) в качестве
переводчика; конец
1970-х гг.*

Махарадж
побуждал меня
писать об учении,
одновременно

отбивая охоту говорить о нём публично. Где-то в 1980 году я выступил на тему учения Бхагавана в Дели. Возвращаясь в Тируваннамалай, я остановился в Бомбее, чтобы провести несколько дней с Махараджем. И, должно быть, кто-то сказал ему о моём делийском выступлении. Когда на сатсанге он подозвал меня к себе, я подошёл и сел перед ним к нему лицом. Это было обычное место сидения тех, с кем он расправлялся.

*Выступление на
семинаре,
посвящённом Рамане
Махариши, в 1980 г.*

— Нет, нет, —
сказал он мне, —
садись рядом со
мной, лицом к
людям.

Я упал духом.

Я понятия не имел,

что он собирается делать, но зато точно знал, что мне это не понравится.

Он начал с того, что стал меня высмеивать, говоря, что, в то время как к нему приходит всего каких-то сорок человек, чтобы его слушать, я только что выступил в Дели перед сотнями людей. Значит, сказал он, в этом деле я несомненно, его превосхожу, и поэтому он предлагает мне выступить также и перед теми, кто собрался у него в комнате. Я попытался уклониться, однако, видя серьёзность его намерений, кратко изложил то, о чём говорил в Дели. Я чувствовал себя, как студент физического факультета, пытающийся прочесть

лекцию в присутствии Эйнштейна. Один из переводчиков Махараджа делал синхронный перевод.

Когда я закончил, Махарадж тихо сказал:

– Мне не с чем спорить из того, что ты сказал. Всё сказанное тобой верно. А затем добавил, глядя на меня сердито:

– Но только не трать своё время на чтение духовных лекций, пока ты сам не станешь просветлённым, пока на собственном опыте не поймёшь, о чём говоришь. Иначе закончишь, как тот Уолтер Кирс.

Уолтер Кирс

Уолтер Кирс был учителем *адвайты* из Нидерландов. Он ездил по Европе, проводя встречи на темы *адвайты* и йоги по меньшей мере на трёх языках. Как учитель он был очень хорошим оратором, прекрасно владеющим предметом. К Махараджу он приезжал регулярно, и в каждый его приезд Махарадж кричал на него, ставя ему на вид, что он не просветлён, и запрещая ему называть себя учителем, пока он не достигнет просветления. Я понял и с тех пор никогда публично не выступал.

Примерно такой же совет дал мне и Пападжи. Он очень хотел, чтобы я о нём написал. Он специально вызвал меня из Тируваннамалай в Лакнау, чтобы я собрал материал для книги, которая была в итоге опубликована под названием «Ничто никогда не случилось». Когда в 1993 году я брал у него интервью для документального фильма, он сказал мне:

– Когда ты приедешь на Запад и люди спросят тебя, что происходило с тобой в Лакнау, молчи. Если они спросят ещё раз, просто рассмейся.

*Пападжи стоит перед
самадхи Раманы
Махарши; начало 1980-х
гг.*

*Книга «Ничто никогда не
случалось»*

Он просил меня только писать, он не хотел, чтобы я говорил о нём перед собранием слушателей. Других же он побуждал о нём рассказывать, а писать не просил. Разным людям давались разные указания, разные советы.

Мишель: А другие учителя просили вас писать о них?

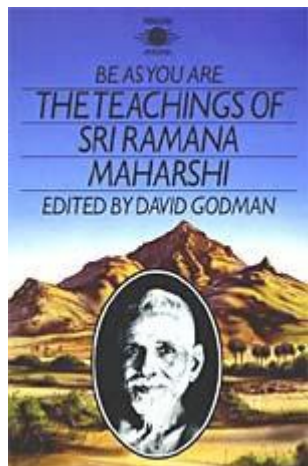
Дэвид: Когда я впервые пришёл в ашрам Лакшманы Свами, то на самом деле это было бегством от писательства. В течение нескольких лет я работал в Раманашраме, редактируя журнал и ведя библиотеку. Теперь мне хотелось только медитировать и сидеть у стоп реализованного учителя. Через пару недель после моего прихода Лакшмана Свами попросил меня написать маленькую книжечку о Сарадамме. Он объяснил свою просьбу тем опасением, что она может покинуть своё тело из-за склонности погружаться в долги, глубокие *самадхи*, из которых её трудно было возвращать в обычное сознание.

Лакшмана Свами и Сарадамма

Он считал, что если у неё появятся собственные преданные, то для общения с ними она должна будет направлять больше внимания вовне. Книга была средством сообщения миру о её существовании. Вообще же, на тот момент они оба были неизвестны. В тот год я провёл в их

ашраме около семи месяцев. Днём, кроме Сарадаммы и Лакшманы Свами, там обычно находились только я да ещё один человек. Иногда по вечерам приходило ещё несколько посетителей. А однажды, когда Сарадамма около двух недель оставалась в городе со своей семьёй, кроме Лакшманы Свами, я был единственным, кто там жил.

Мишель: Это была вторая ваша книга, первой была «Будь тем, кто ты есть».

Книга «Будь тем, кто ты есть»

Дэвид: Нет, первой моей книгой была эта. Я написал её в 1982 году, но издана она была где-то в 1986-м.

Мишель: Что же случилось? Чем была вызвана такая задержка?

Дэвид: Это длинная история. Когда Лакшмана Свами попросил меня написать эту книгу, я, конечно, согласился. Он сказал, что мне нужно поговорить с Сарадаммой и услышать её историю от неё самой. Однако, когда я захотел с ней это обсудить, она не проявила интереса к такому разговору. Она вообще не хотела никакой книги. Она не хотела, чтобы к ней сходилось множество людей, что, как она понимала, могло произойти в том случае, если книга увидит свет. Её вполне устраивала жизнь, которую она в то время вела.

О нежелании Сарадаммы участвовать в этом проекте я сообщил Лакшмане Свами. Он решил, что сядет рядом с ней и будет заставлять её рассказывать. Он знал, что, если он будет лично присутствовать при нашем разговоре, ей слишком трудно будет ему отказать. Для меня это было большой удачей, поскольку это означало, что ежедневно в течение часа или около того, пока Сарадамма будет рассказывать обо всём, что происходило в её жизни, я буду видеть их обоих.

*Лакшмана Свами в
начале 1970-х гг.*

*Сарадамма вскоре
после своей
Самореализации,
произошедшей в 1978 г.*

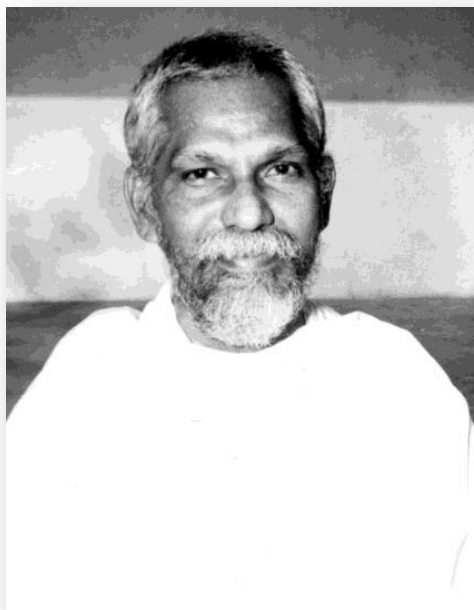
Однако даже в присутствии сидящего рядом с ней и побуждающего её к разговору Лакшманы Свами получить от неё информацию временами бывало трудно. Иногда она говорила охотно, а иногда полностью закрывалась, категорически отказываясь от разговора. Спустя примерно неделю с начала бесед она заявила, что откажется от дальнейшего участия в этой задумке, если половина книги не будет посвящена Лакшмане Свами. Сам же Лакшмана Свами не хотел, чтобы о нём вышла книга, но в итоге он всё же вынужден был согласиться, поскольку лишь это средство позволяло добиться от Сарадаммы согласия продолжить рассказ. Беседы возобновились. Никто из этих двоих не хотел, чтобы книга была написана только о нём одном, каждый хотел, чтобы она была посвящена другому.

Лакшмана Свами рассказывал Сарадамме о многом из своей жизни. Она записала всё, что смогла вспомнить сама, а затем ещё поговорила с ним, чтобы узнать о нём больше. Всё это она записала в большую тетрадь, которую потом вручила мне. Получив ясное представление об основных моментах истории его жизни, я задал ему затем множество дополнительных вопросов, на которые он всегда был рад ответить.

У меня складывалось такое впечатление, что память Сарадаммы буквально о каждой минуте каждого дня каждого года периода её *садханы* была почти идеальной. Из-за этого Лакшмане Свами иногда приходилось возвращать её к главной теме. Но даже при этом объём собираемого мной материала с каждым днём увеличивался всё быстрее. Я уже понял, что «небольшой буклет о Сарадамме», задуманный Лакшманой Свами изначально, превращается во внушительного объёма книгу.

И вот одним утром, когда я пришёл на веранду Лакшманы Свами, чтобы провести очередное интервью, он объявил:

– Больше никаких исследований и интервью. Теперь ты можешь идти и писать книгу. Я хочу, чтобы ты закончил её через две недели.

*Лакшмана
Свами*

*Сарадамма
сидит на
веранде
дома
Лакшманы
Свами;
примерно
1980 г.
Здесь я
провёл
большую
часть
своих
интервью.*

Я остолбенел. На мой взгляд, незаписанными оставались ещё очень многие хорошие истории. Что же касается написания книги за менее чем двухнедельный срок, то я просто не представлял, как бы это могло произойти.

Причиной такого ультиматума стало стечение двух обстоятельств. Для издания книги у Лакшманы Свами было очень мало денег. Местная типография выдала ему предварительную калькуляцию, из которой следовало, что напечатать книгу большого объёма он не может себе позволить. А двухнедельный срок возник как следствие его плана, согласно которому в его предстоящий приезд в Тируваннамалай он собирался возложить экземпляр этой

книги на *самадхи* Раманы Махарши. Две недели он отвёл на написание книги мной и около месяца – на её издание.

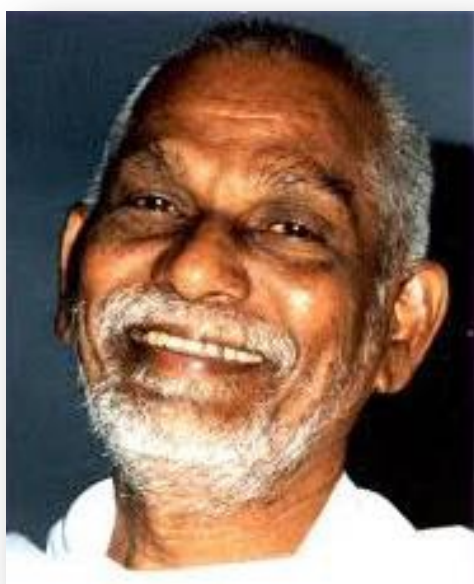
Я принялся за работу. Два первых черновых варианта я написал от руки, а окончательный вариант распечатал на старой печатной машинке, у которой отсутствовала пара букв, так что пропущенные буквы мне пришлось вписывать вручную. К двухнедельному сроку я отнёсся очень серьёзно. Последние несколько дней я работал, наверное, круглосуточно. Ночь накануне сдачи рукописи я точно провёл на ногах, и думаю, что закончил работу всего примерно за час до *даршана*, который Свами обычно давал в девять часов утра. В те дни он был намного доступнее. Посетители могли почти ежедневно сидеть рядом с ним и задавать вопросы. Ровно в девять утра я выполнил перед ним постирание и вручил рукопись. В тот день Сарадаммы не было, но я не помню, почему. Он рассмеялся и сказал, что не сможет прочитать рукопись, поскольку день тому назад разбил очки и новые получит только через несколько дней. Это стало первым сигналом о том, что сроки значения не имели и смысла в штурмовщине на самом деле не было. Поскольку сам он читать не мог, то по его просьбе я прочёл ему вслух главу о том, как Сарадамма в его присутствии реализовала Я. То, что он услышал, по-видимому, доставило ему удовольствие.

Примерно неделю спустя во время утреннего *даршана* он сказал мне, что прочёл рукопись и она ему понравилась. Он посмотрел на меня и, наверное, сказал, что я проделал хорошую работу. Я говорю «наверное», потому что я не слышал, как он это говорил. Все, кто при этом присутствовали, слышали, как он произнёс эти слова, однако мой ум не зафиксировал ничего подобного. Лакшмана Свами был крайне скуп на похвалы в адрес своих преданных, кроме Сарадаммы, конечно, и думаю, что это был единственный раз, когда своё лестное мнение обо мне он высказал мне прямо в глаза. Но я пропустил и его. Возможно, он считал, что эта похвала плохо отразится на моём эго, и каким-то образом сделал так, что сказанное им услышали все, кроме меня.

Рукопись была отдана местному преданному, у которого в Гудуре, близлежащем городе, имелся печатный станок. Однако для печати книг он, к сожалению, не годился. Думаю, что основным товаром для продажи у этого человека были свадебные пригласительные открытки и другая полиграфическая мелочь подобного формата. Для печати книги у его станка не хватало букв, а его главный наборщик часто бывал пьян. Людям, выросшим в эпоху широкого использования электронных редакторов, я должен объяснить, что когда-то, «давным-давно», книги набирались буква за буквой: малюсенькие металлические буквы-литеры вставлялись в специальные канавки, вырезанные в деревянных печатных формах, на их металлические поверхности наносились чернила, после чего делался пробный отпечаток страницы, или корректурный оттиск. После исправления ошибок металлические буквы извлекались из деревянных форм и переставлялись заново согласно исправленному тексту. Возможно, от всего этого веет средневековьем, но в действительности это был тот метод, который пережил многие усовершенствования и с помощью которого печаталось большинство книг во всём мире вплоть до 1980-х гг. Специалисты справлялись с такой работой довольно быстро, новичку же на освоение этого метода могло потребоваться немало месяцев. Что, собственно, и произошло. Ко времени поездки в Раманашрам было набрано всего несколько

страниц, в текстах которых к тому же было полно ошибок. И когда, наконец, стало ясно, что станок с этой работой не справляется, то заодно обнаружилось, что и деньги, предназначенные для оплаты печати, уже разошлись на другие нужды. Несколько лет рукопись пролежала на полке и была издана только в 1986 году после отклика одного американского преданного, предложившего оплатить её печать в крупной типографии. Перед тем как в 1986 году книга была напечатана, я воспользовался случаем и дополнил её ещё несколькими историями, рассказанными в период проведения интервью, и, кроме этого, я ещё раз прошёлся по тексту для улучшения стиля. Первый вариант создавался в крайней спешке, и в некоторых местах это было заметно.

Мишель: Лакшмана Свами и Сарадамма просматривали книгу перед её изданием?

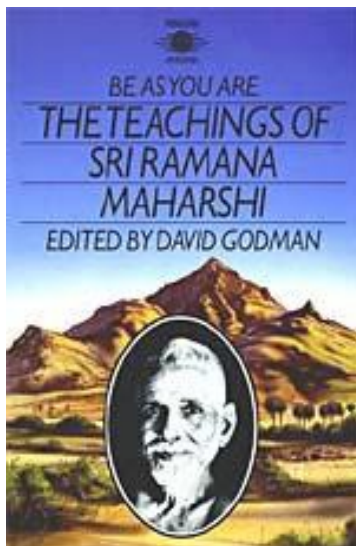
Лакшмана Свами

Сарадамма, 1978 г.

Дэвид: О да, к редакторской работе они оба отнеслись очень серьёзно. Лакшмана Свами достаточно хорошо владеет английским, поскольку он изучал его в школе и колледже. Думаю, что он перечитал рукопись четыре или пять раз, и каждый раз, когда он возвращал мне её после очередного прочтения, в ней либо была вычеркнута часть текста, либо на полях были добавлены новые комментарии. Когда текст, наконец, его удовлетворил, один из преданных, хорошо владевший телугу и английским, прочёл его вслух Сарадамме, и она тоже сделала несколько исправлений. Это была только их книга, только их история. Я же был всего лишь исполнителем, который помог придать ей форму.

Мишель: Давайте теперь перейдём к книге «Будь тем, кто ты есть». Ведь именно эту книгу ассоциирует с вами большинство людей. Как она возникла?

Книга «Будь тем, кто ты есть»

Дэвид: В 1983 году я вернулся в Англию, надеясь найти работу. Я прожил в Индии семь лет и в течение последних пяти лет материальную поддержку получал в основном от Раманашрама, поскольку делал там разную работу: вёл библиотеку, редактировал журнал и так далее. Я планировал вернуться в Индию с суммой, достаточной, чтобы быть финансово независимым. Я хотел жить за пределами ашрама, поддерживать себя самостоятельно и больше времени посвящать медитации, мне не хотелось зависеть ни от какой организации в отношении питания и жилья. Однако ничего из этого не вышло. Меня не брали ни на одну работу. Я разослал массу запросов о приёме на те виды работ, к которым считал себя наиболее подготовленным, и либо совсем не получил на них ответа, либо получил письма-отказы откровенно оскорбительного содержания. В Индии я основал библиотеку и вёл её пять лет, здесь же, подав заявку на должность смотрителя частной библиотеки, которая была даже меньше той, что я оставил в Тируваннамалае, я получил такой ответ: «Дорогой мистер Годман, большое спасибо за вашу весьма занимательную заявку. Однако мы предпочли бы принять того, кто для этой работы подходит». И так продолжалось месяцами. Я провалил собеседование даже на должность уборщика мусора, засмеявшись в неподходящий момент. В «Евангелии от Махарши» Бхагаван говорит, что если работать вам суждено судьбой, то избежать этого не удастся, а если суждено не работать, то не важно, насколько усердно вы стараетесь найти работу, – вас всё равно никто не примет. Со мной такое произошло летом 1983 года. Но чего я тогда не понимал, так это того, что относительно меня у Бхагавана были другие планы. Домовладелец, у которого я остановился, был преподавателем философии в Лестерском университете, такая же профессия была и у его жены. И вот этот человек относит рукопись своей жены редактору одного из лондонских издательств.

Она же, редактор, узнав, что муж тоже преподаёт философию, говорит:

– Почему бы и вам не написать для нас книгу? Нам всегда интересны новые книги философского содержания.

Услышав об этом, я оживляюсь: это то, что мог бы сделать я. Я звоню этому редактору и спрашиваю, не интересуется ли её книга о Рамане Махарши. И её ответ меня поражает:

– Немедленно приходите в мой офис. Не ходите больше никуда. Вы нам нужны. Приходите прямо сейчас.

После многих месяцев отказов такой поворот событий казался невероятным. Я быстро набросал в уме приблизительный план книги и несколько часов спустя обсудил его с редактором. Она навела справки о показателях сбыта по нескольким книгам о Рамане, изданным на Западе, и сказала:

– Мы это сделаем.

Вот как просто всё произошло. Со мной заключили контракт, и я был откомандирован в Индию для написания «Будь тем, кто ты есть». Меня это изумило, поскольку я всегда верил в один распространённый миф о писательской деятельности, гласящий, что потенциальный писатель сначала месяцами или годами пишет книгу, после чего столько же времени тратит на рассылку рукописи по разным издательствам, из которых всегда приходит отказ, и лишь затем, если он или она окажутся везучими, сто первый издатель скажет, наконец: «да».

Моей судьбой было вернуться в Индию и писать книги о Бхагаване, его учении и учениках. Если же я пытался делать что-то другое, то осуществить мне это не удавалось.

Когда в 1982 году я ушёл в Лакшмана Ашрам, это было бегством от писательской и редакторской работы, которой я занимался в Раманашраме. Однако уже через пару недель я писал книгу и там. Когда на следующий год я уехал в Англию, надеясь собрать достаточно средств, чтобы не заниматься писательством в Индии, всё закончилось тем, что я вернулся сюда с контрактом на книгу о Бхагаване. И, по сути, с тех пор это – моя работа, моя судьба. Теперь я с этим уже не борюсь. Теперь я этим наслаждаюсь.

Мишель: Книга «Будь тем, кто ты есть» имела большой успех. Большинство из тех, кто прочёл только одну какую-нибудь книгу об учении Бхагавана, вероятнее всего, прочли именно эту. Почему, на ваш взгляд, её покупает и высоко ценит так много людей? Ведь есть много других книг о его учении.

Дэвид: Эта книга потому была хорошо принята за пределами Индии, что её компоновка позволяла сделать учение доступным и понятным. Учение Бхагавана может быть очень неясным, если вы не знакомы с ведантой или не понимаете, что разным людям он даёт разные ответы на одни и те же вопросы. Думаю, что успех книги объясняется тем, что читателю был дан правильный набор ключевых понятий, позволявший понимать как все те различные вещи, о которых говорил Бхагаван, так и все уровни учения.

Когда я пришёл на первую встречу с лондонским редактором, она попросила меня показать ей план книги. Мне было нечего ей показывать, поскольку я успел лишь мысленно набросать такой план незадолго до встречи.

Я ей сказал:

– Я дам вам свой экземпляр книги «Беседы с Раманой Махарши». В ней собрана самая большая коллекция его диалогов. Я планирую взять оттуда много цитат.

Когда через пару дней я пришёл за книгой, лицо редактора выражало озадаченность.

– Надеюсь, ваша книга будет лучше этой, – сказала она. – В этой я не поняла ни слова.

А ведь эта женщина была ответственным редактором отдела духовной литературы ведущего лондонского издательства. И если уж такие люди не понимают учения Бхагавана, читая книги вроде «Бесед...», то это даёт достаточно оснований для предположения, что большинство других людей тоже не в состоянии извлечь оттуда много смысла.

Другим фактором, повлиявшим на такую успешность книги, был тот, что издательство «Пингвин» смогло очень хорошо её распространить. В 1980-е и 1990-е годы я просто поражался количеству всевозможных мест, где я видел её в продаже. Если на полках какого-либо книжного магазина находился всего десяток книг о духовности, то среди них обязательно была и эта. Для многих западных людей знакомство с Бхагаваном произошло благодаря книге «Будь тем, кто ты есть» только потому, что она была единственной книгой о его учении, когда-либо появлявшейся на полках их местного книжного магазина.

Помню, как где-то в 1990 году мы с моим отцом и его второй женой зашли в бутик в Пондишери. Они тогда бегали по магазинам, гоняясь за дешёвой одеждой и сувенирами. Возле кассы стоял журнальный стеллаж, на одной из полок которого были выставлены для продажи четыре книги. Одной из них был кулинарный бестселлер Делии Смит, ещё двумя – триллеры одного известного автора, пишущего в жанре дорожной беллетристики, и четвёртой книгой была книга «Будь тем, кто ты есть». Мой отец был весьма впечатлён, обнаружив меня в такой компании. Судя по тому, что он говорил обо мне другим людям, его не очень-то вдохновляла жизнь, которую я для себя избрал.

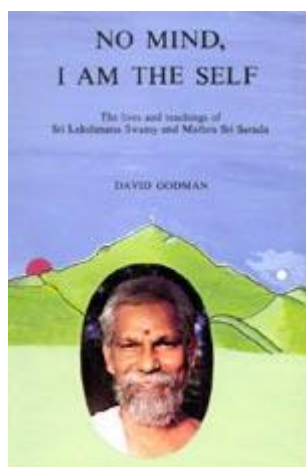
*С моим
отцом и
Пат, его
второй
женой, в
Англии в
1999 г.*

Мишель: Как долго вы работали над созданием этой книги?

Дэвид: Думаю, на это у меня ушло два или три месяца. В основном я занимался ею, когда у меня было свободное время. Вернувшись в Индию, я снова взялся за управление библиотекой Раманашрама – работу, не предусматривавшую выходных. Над книгой я работал по вечерам. Но если подать процесс создания книги лишь в таком свете, то это не даст о нём правильного представления, поскольку я читал и изучал литературу о Рамане на протяжении всех предыдущих семи лет, и, кроме этого, в течение нескольких лет я весьма интенсивно практиковал самоисследование. Плюс ко всему, у меня было много дискуссий и споров по всем аспектам учения с другими преданными. Всё это привело к тому пониманию, которое затем было представлено в книге. Если

музыкант говорит вам, что он потратил на разучивание нового музыкального произведения всего лишь неделю, то под этим следует понимать, что на протяжении нескольких лет, предшествующих этой неделе, он развивал навыки работы со своим инструментом. Книгу я собрал за несколько недель, но при этом следует отметить, что она стала кульминацией нескольких лет изучения теории и практики.

Мишель: Вы говорили, что вы печатали «Ум исчез, я – Сущее» на сломанной пишущей машинке. А к моменту написания «Будь тем, кто ты есть» ваши технические условия улучшились?

Книга «Ум исчез, я – Сущее»

Дэвид: На самом деле нет. У меня не было даже пишущей машинки. Я вынужден был её одалживать, чтобы напечатать конечный вариант. Перед началом работы над книгой я купил в книжном магазине ашрама по одному экземпляру всех книг о Рамане, которые могли мне понадобиться. Затем я вырезал из них все диалоги об учении. После этого я отобрал вырезки с диалогами по каждому аспекту учения и прикрепил их к чистым листам бумаги в нужном мне порядке. Это было классической работой с текстом – «вырезать-вставить», только вместо компьютера я использовал ножницы и степлер. Не думаю, что компьютер я увидел раньше, чем через пять лет после этого. Когда я чувствовал, что последовательность цитат меня устраивает, я писал краткое вступление к каждой главе и затем печатал главу целиком. Редакция ограничила мою книгу 80-ю тысячами слов. Мне хотелось предельно эффективно воспользоваться этим объёмом и дать в книге как можно больше информации об учении Бхагавана. Это значило, что мои вступительные разъяснения должны были быть краткими и содержательными. Иногда полезно иметь такие ограничения, – это заставляет лучше сосредотачиваться на главном в учении. Кроме того, формулирование сложной идеи на половине страницы является хорошей проверкой понимания этой идеи.

Мишель: После выхода в свет «Будь тем, кто ты есть» и «Ум исчез, я – Сущее» вы много лет не публиковались. Чем вы занимались?

Дэвид: На самом деле в те годы я много писал и занимался исследовательской работой, но ничего из этого, по крайней мере, в виде книги, опубликовано не было. Я решил написать книгу обо всех святых, жизни которых были связаны с Аруначалой в последние полторы тысячи лет. За это время сюда приходило много святых, здесь они жили и учили. Их учения есть на тамильском и санскрите, но практически ничего из этого не издавалось на английском. Я решил собрать как можно больше материала и затем найти людей, которые бы его для меня перевели. Вот только с теми, кто сотрудничал со мной в рамках

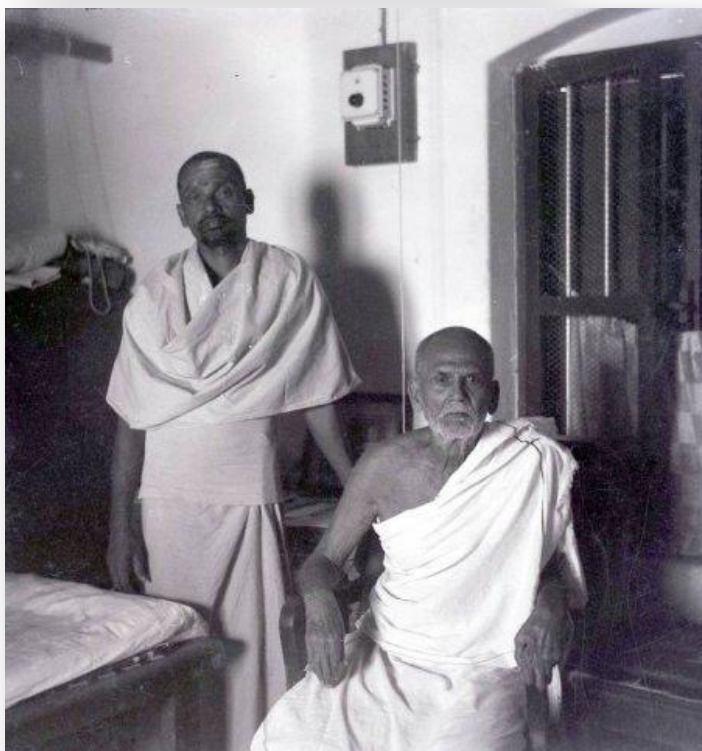
этого проекта, случилось столько либо плохих, либо странных и необъяснимых историй, что я начал верить в то, что на этом проекте нет благословения Аруначалы.

Это было давно. Посмотрим, смогу ли я вспомнить всё. Мой друг Роберт Батлер изучал классический литературный тамильский язык. Он предложил мне свою помощь в переводе некоторых стихов, однако, поскольку он был новичком в переводах с тамильского, ему хотелось, чтобы переведенный им материал проверил кто-нибудь более сведущий в тамильском.

Роберт Батлер с Куптусвами, своим первым учителем тамильского, в Тируваннамалае примерно в 1981 г.

Я обратился к Садху Ому, который считался лучшим поэтом, пишущим на тамильском, и лучшим филологом в окрестностях Раманашрама, с просьбой проверить несколько стихов, чтобы определить, обладает ли Роберт достаточным пониманием для продолжения этой работы. Садху Ом ответил, что он очень занят другой работой, но обещал при случае это сделать.

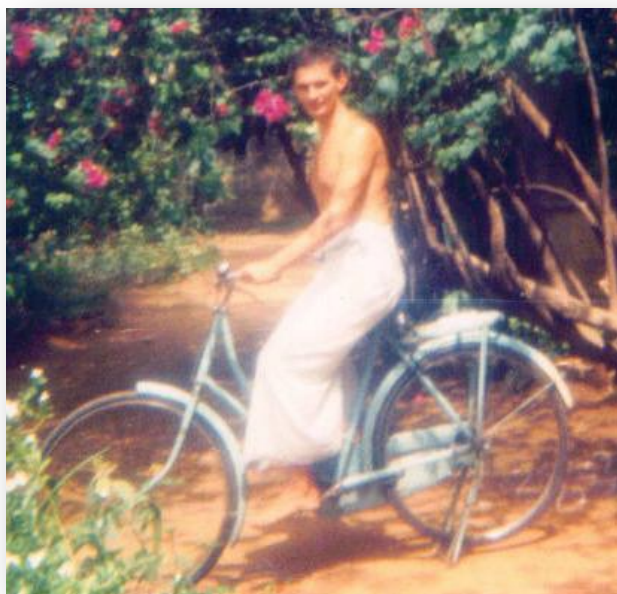
Проходили недели, но ничего не продвигалось. Затем Майкл Джеймс, главный помощник Садху Ома, сообщил мне, что Садху Ом пообещал проверить стихи на следующий за этим день. Майкл положил их ему на стол, чтобы на следующее утро он мог к ним приступить. Однако в ту ночь у Садху Ома случился инсульт, от которого он уже не оправился. Через несколько дней он умер.

Садху Ом (стоит) в комнате Муруганара в Раманашраме; примерно 1970 г.

Майкл Джеймс крайний слева с мальчиком на коленях. Я на заднем плане в белой рубашке. Думаю, мы находились во дворе дома Садху Ома, и это было, вероятно, в середине 1980-х гг.

Тем временем Роберт поехал в Англию, чтобы повидаться со своей семьёй. Пока он там находился, была введена визовая система для англичан и других жителей стран-участниц Содружества. Роберт захотел вернуться в Индию с визой, которая позволила бы ему постоянно находиться в ашраме, где он надеялся продолжить нашу совместную работу. Я попросил президента Раманашрама предоставить ему завизированное поручительское письмо, в котором бы говорилось, что Роберт едет в ашрам для выполнения волонтерской работы. Обычно на открытие такой визы уходит три месяца, но его заявление рассматривалось больше года без каких-либо уведомлений со стороны официальных служб. Наконец, кто-то в Дели связался с ашрамом, чтобы проверить, на самом ли деле ашрам заинтересован в Роберте. И тут какой-то человек, ничего не знавший о существующей договорённости, написал в ответном письме, что в ашраме о Роберте никогда не слышали и на работу его не ждут. Это письмо успешно оставило Роберта в Англии, в безвыходном положении, поскольку власти Индии были уверены в том, что заявку на получение визы он сфабриковал.

Роберт Батлер на велосипеде во дворе дома Осборна в Тируваннамалае примерно в 1981 году.

После этого я обратился к известному тамильскому переводчику Ванмикинатану и рад

был услышать о его согласии мне помочь. Я дал ему пятьдесят три стиха из *Теварама*, сочинённых известными святыми, которые были связаны с Аруначалой в период с VI по IX вв. Это была работа не из лёгких, здесь требовались экспертные знания об этом периоде тамильской литературы. Ванмикинатан уже переводил и публиковал поэзию той эпохи, поэтому я был очень рад его участию в осуществлении моего плана. Через несколько дней я получил от него письмо, в котором он сообщал, что работа уже закончена и что он сделает чистовую копию, чтобы на следующий же день отправить её мне по почте. Я был впечатлён его скоростью. Однако через несколько дней я получил от него ещё одно письмо, содержание которого было примерно таким:

«Дорогой мистер Годман, я перевёл ваши стихи и оставил их на своём столе, собираясь позже переписать. Но порыв ветра, ворвавшийся в окно, поднял листы с переводом и вынес их в сад. Выйдя из дома, чтобы их подобрать, я их уже нигде не обнаружил».

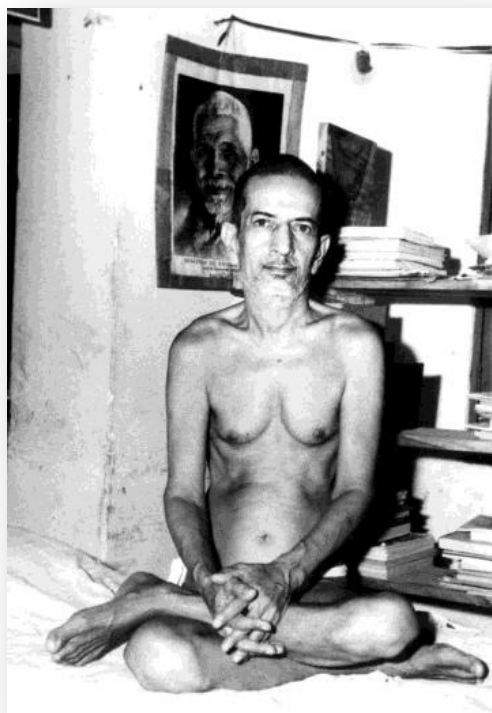
Кончилось тем, что дальше он начал затяжное разбирательство с Рамакришна Матхом в Мадрасе по поводу книги, которую он для них перевёл, и я лишился его услуг. Какое-то время мне помогала Ратна Наваратнам, филолог со Шри-Ланки, которая была знатоком древнего тамильского и преданной Бхагавана. Я не помню, почему она перестала со мной сотрудничать. В её случае не произошло ничего плохого, иначе я бы это запомнил.

Ратна Наваратнам. Она была тамилкой со Шри Ланки, написавшей множество книг по индуизму и об индуистских богах. Когда в начале 1980-х гг. в Шри Ланке началась гражданская война, она стала беженкой и временно поселилась в Раманашираме.

Помимо этого, в эту драму оказался вовлечённым ещё один иностранный филолог. Мария Тоннэйр была американкой, собиравшейся писать докторскую диссертацию по «Аруначала Махатмьям», санскритскому труду, содержащему все пуранические истории и легенды об Аруначале. Она планировала переехать в Тируваннамалай вместе со своим сыном и всю работу проделать здесь. Она договорилась, чтобы её сын мог учиться здесь год по французской школьной программе посредством почтовой переписки. Я помогал ей улаживать все бумажные формальности с индийской стороны. Я зарегистрировал её в Мадрасском университете и нашёл там профессора санскрита, который должен был стать её формальным научным руководителем, поскольку здесь без него она не могла писать диссертацию. Причиной того, что я взял на себя эти хлопоты, было её обещание перевести для меня «Аруначала Пуранам», пока она будет здесь находиться. Это тамильский труд, большинство

историй которого входило также и в «Аруначала Махатмьям». Всё уже было готово к её приезду, но индийское посольство в Париже выдало ей неправильную форму заявления на получение визы, это была форма для туристической визы, и в процессе рассмотрения это заявление было отклонено, поскольку заниматься научными исследованиями, имея туристическую визу, в Индии не разрешается. Она была вынуждена отказаться от всех своих исследовательских планов и остаться во Франции со своим мужем и сыном. Если вам отказывали в выдаче визы, то заново подать заявление вы уже не могли, даже если это была ошибка официальных служб, выдавших вам неправильную форму. Я же остался без ещё одного ресурса.

Джагадиш Свами, сидящий в своей комнате в Раманашраме; примерно 1980 год.

Пока всё это происходило, я продолжал собирать материал. В Мадраасской государственной библиотеке рукописей я нашёл другую версию «Аруначала Махатмьям», имеющую название «Коди Рудра Самхита». И, поскольку этот труд написан на пальмовых листьях, я нанял пандита, чтобы он в библиотеке сделал мне его копию. Единственным из моих знакомых, кто знал санскрит в достаточной степени, чтобы взяться за перевод, был преданный по имени Джагадиш Свами, живший в Раманашраме. Я дал ему ксерокопию, которую он пообещал просмотреть и решить, сможет ли он перевести этот текст. Однако он так и не успел этого сделать, поскольку умер во время медитации в своей комнате.

Вечером он сидел, как обычно, медитируя, со скрещенными ногами на металлическом стуле, который наверняка был очень неудобным, и был обнаружен на следующее утро всё ещё ровно сидящим, со скрещенными ногами, но уже мёртвым. Думаю, что это был хороший способ оставить тело, но всё же я искренне надеялся, что эта смерть не была связана с моей рукописью.

Дня через два я совершал *прадакшину* вокруг Аруначалы. Дойдя до храма Ганеша и водоёма и проделав, таким образом, треть пути, я повернулся лицом к горе.

*Статуя Нанди
рядом с храмом
Ганеша, где я
остановился, чтобы
спросить у Шивы,
как мне быть с моим
проектом, связанным
с Аруначалой.*

Я обратился к
Шиве с такими
словами: «Слишком
много плохого
происходит вокруг
этого проекта. Если
ты не хочешь, чтобы

я продолжал работать над ним, пошли мне знак».

Должен сказать, что я уже спрашивал Сарадамму в Лакшмана Ашраме, стоит ли мне продолжать эту работу, и она отказалась от всякого вмешательства в эту ситуацию. Она сказала, что не хочет брать на себя ответственность за это. До этого я уже рассказывал ей о некоторых неприятных случаях, произошедших в ходе этой работы. Мне следовало понять ещё тогда, что отсутствие у неё энтузиазма является сигналом к остановке.

Но, как бы там ни было, примерно через день я получил счёт от человека из Мадраса, сделавшего для меня копию «Коди Рудра Самхита». На тот момент я был уверен, что я уже давно этот счёт оплатил. И хотя это событие было незначительным, я расценил его как знак того, что я должен остановиться.

По сравнению с другими людьми, задействованными в этом проекте, я отделался скорее легко. В период работы над проектом я успел сломать бедро и провести три месяца в устройстве для скелетного вытяжения, но с некоторыми другими людьми случились всё-таки намного более серьёзные вещи.

Кое-что из того, что я успел написать, действительно в конце концов появилось в «Горном пути», журнале ашрама, но не под моим именем. Моё имя обычно стояло под статьями, которые я писал о Бхагаване, но если у меня был другой материал для печати, то я подписывался другим именем. К примеру, одному человеку удалось получить для въезда в Индию учебную визу, но учёбой он не занимался, а только медитировал. Я поместил в журнал пару статей, подписавшись его именем, чтобы в случае проверки у него было чем отчитаться перед властями. Ещё один мой друг, Надя Сутара, жила какое-то время в храме Гухай Намашивая, расположенном на горе. Однако, учитывая, что её шансы на длительное пребывание в этом месте были не очень надёжными, я подписал две статьи – о Гухай Намашивая и Гуру Намашивая – её именем, предполагая, что на человека, отвечающего за этот храм, они произведут достаточное впечатление, чтобы позволить ей оставаться там и дальше.

Надя (слева) и моя приёмная мать Пат покупают фрукты. Тируваннамалай, 1991 г.

Мантапам в храме Гухай Намашивая, где Надя Сутара жила в 1980-х гг. Примерно в 1901 году здесь жил Рамана Махарши. На песке перед этим сооружением он написал отдельные части «Кто я?». После того, как он покинул это место, здесь в течение нескольких лет жила Кирай Патти – женщина, которую считают предыдущей инкарнацией коровы Лакими.

Мишель: Потрясающе! Вам повезло, что вы остались живы. Чем вы занялись после того, как этот проект сорвался?

Дэвид: Я начал собирать воспоминания старых преданных Раманы Махарши, в частности, те, которые ещё не были изданы на английском. Моей целью было собрать большую однотомную антологию, в которой истории каждого преданного была бы посвящена отдельная глава. Я нашёл много хорошего материала, но книга увидела свет лишь совсем недавно. Я должен был отодвинуть работу над ней на второй план, поскольку возникли новые, более захватывающие и привлекательные проекты.

Где-то примерно в 1987 году я обратился к Аннамалаю Свами с просьбой дать интервью для моей книги.

Аннамалай Свами в своей комнате, начало 1990-х гг.

Я знал, что в 1930-х гг. он работал в ашраме с Бхагаваном и надеялся, что получится хорошая глава его воспоминаний. Переводчик Аннамалай Свами, который был моим хорошим другом, говорил с ним на эту тему, однако согласия на интервью получить не смог. Несколько недель подряд Аннамалай Свами упорно отказывался рассказывать мне свою историю. И вдруг Сундарам, его переводчика, озарила идея.

Он сказал Аннамалаю Свами: «Дэвид уже написал одну хорошую книгу об учении Бхагавана. Многие из приходящих сюда иностранцев говорят, что это лучшая книга об учении Бхагавана».

Аннамалай Свами это заинтриговало, поскольку он сам ежедневно проводил около часа, отвечая на вопросы посетителей о Бхагаване и его учении. Он начал привлекать в свой ашрам иностранцев, соглашаясь с ними говорить при условии, что темой бесед будет Бхагаван. Другие темы он не хотел обсуждать. Бхагаван дал ему указание сторониться общения с людьми, оставаться дома и как можно больше времени посвящать медитации. Тех, кто желал медитировать вместе с ним, он отправлял заниматься этим в Раманашрам, однако посетителей, у которых были вопросы по духовной практике или об учении Бхагавана, он обычно принимал, но оставались они у него ровно столько по времени, сколько ему требовалось, чтобы ответить на их вопросы. К нему было трудно попасть, не говоря уже о том, чтобы находиться рядом с ним долго.

Я сижу с Аннамалаем Свами и Сундарамом в доме, где сейчас находится самадхи Аннамалай Свами. 1994 г.

Аннамай Свами дал указание Сундараму раздобыть экземпляр «Будь тем, кто ты есть» и прочесть ему эту книгу вслух. Он не очень хорошо знал английский, поэтому Сундараму по ходу чтения приходилось переводить. Аннамай Свами прослушал книгу почти до конца и лишь после этого наконец решил, что будет со мной говорить.

Когда я встретился с ним, он сказал:

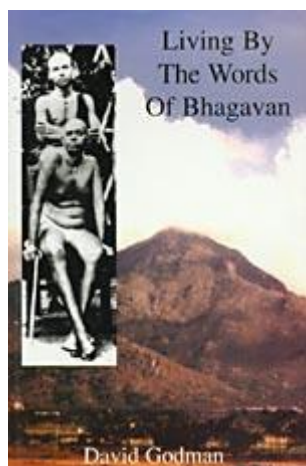
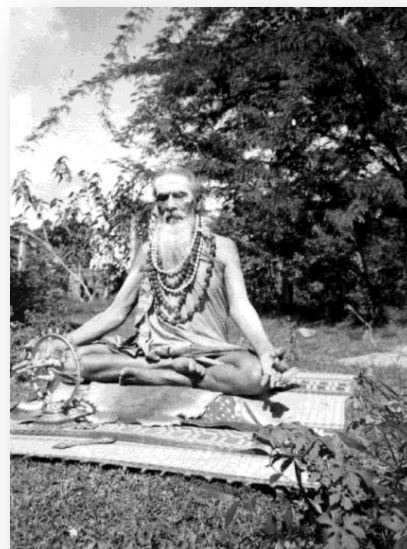
– Ты хорошо понимаешь учение Бхагавана. Я уверен, что, если я тебе что-нибудь расскажу, ты затем не исказишь мои слова.

Одна очень плохая книга о его жизни, автором которой был Суддхананда Бхарати, однажды уже была издана на тамильском, и Аннамаю Свами не хотелось, чтобы вышла ещё одна плохая версия его биографии.

Суддхананда Бхарати

До этого Аннамай Свами никому не рассказывал историю своей жизни, или, лучше сказать, не делал этого в систематическом порядке. Отдельные истории он рассказывал Сундараму и некоторым другим людям, но никогда не объединял их в одно законченное повествование. В течение следующих нескольких недель я приходил к нему ежедневно и вёл с ним полтора-два часовые беседы.

Вскоре я понял, что это будет не просто глава в моей книге. Материал, которым он со мной делился, был настолько удивительным и обширным, что мне стало ясно, что в моих руках рождается полноформатная книга. Когда интервью были завершены, на создание книги «Живя словами Бхагавана» у меня ушло ещё почти полтора года непрерывной, требующей терпения работы и подробных исследований.

Книга «Живя словами Бхагавана»

Аннамай Свами был для меня своего рода вдохновителем. Казалось, что в нём нашли своё выражение и воплощение все те качества, которыми должен обладать хороший преданный для надлежащих взаимоотношений со своим Гуру и ведения своего ашрама. Я восхищался его цельностью и непоколебимой решимостью выполнять указания Бхагавана, невзирая на последствия. Именно поэтому я дал этой книге название «Живя словами

Бхагавана». Вся жизнь Аннамалай Свами была посвящена претворению в жизнь слов его Гуру.

Когда Сундарам прочёл вслух окончательный вариант книги, Аннамалай Свами был очень рад услышанному. Однако, когда он организовал повторное чтение для тамильских преданных, не знавших английского, некоторые из них заметили Аннамалаю Свами, что отдельные истории могут навлечь на него неприятности от администрации Раманашрама. Он признал, что это вполне возможно. Затем он послал за мной и дал мне указание спрятать рукопись и никому её не показывать.

Аннамалай Свами в своей комнате в начале 1990-х гг.

— Когда я умру, — сказал он, — ты можешь делать с ней всё, что сочтёшь нужным, но до этого не давай её читать никому. Бхагаван сказал мне вести тихую жизнь и не встречаться с большим количеством людей. Я не смогу следовать его указаниям, если в результате публикации этой книги ко мне начнёт сходить множество людей, и я не хочу, чтобы моя жизнь была потревожена людьми, которые придут сюда высказывать недовольство по поводу тех или иных историй.

Думаю, что это был 1987 год. Книгу я отложил и не доставал её вплоть до 1994 года. В 1994 году он изменил своё мнение и разрешил её издать. А через год он умер. Думаю, что он был прав, отложив публикацию. Издание этой книги действительно привлекло много новых людей, и действительно были и те, кто приходил выражать своё недовольство некоторыми историями.

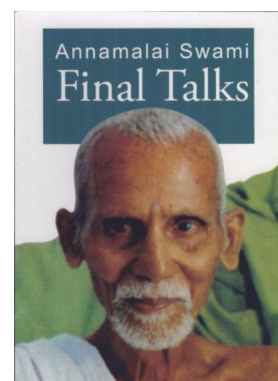
В последние несколько месяцев жизни Аннамалай Свами ответы, которые он давал посетителям, записывались на магнитофон. По просьбе Сундарамы я опубликовал эти диалоги в новой книге, названной «Последние беседы», и она, на мой взгляд, является хорошим дополнением к биографии Аннамалай Свами.

Книга «Последние беседы»

Мишель: Похоже, что мы уже заполнили белые пятна на карте ваших 80-х. А что вы делали дальше?

Дэвид: Я продолжал собирать информацию о старых преданных Бхагавана и, начиная где-то с 1988 года, помогал

Лакшмане Свами и Сарадамме с обустройством земли, которую они здесь купили.

Лакшмана Свами несколько раз говорил, что хотел бы снова переехать в Тируваннамалай. Он попросил Сундараму, переводчика Аннамалай Свами, и меня поискать земельный участок, который мог бы его устроить. Мы нашли несколько участков, однако каждый раз, когда Лакшмана Свами приезжал на них посмотреть, он находил их недостаточно привлекательными. Один раз мы всё же договорились о покупке участка, расположенного рядом с местом, где пересекались путь *прадакшины* и бангалорская дорога, однако после того, как цена была уже согласована, его владелец передумал его продавать.

Позже появилось объявление о продаже участка земли, находившегося за Государственным Художественным Колледжем. К нашему удивлению, Лакшмана Свами распорядился его купить, даже не осмотрев его предварительно. По-видимому, именно в этом месте Свами находился в начале 1950-х гг., когда у него было внезапное видение о том, что он будет здесь жить сорок лет спустя. В следующий свой приезд в Тируваннамалай он осмотрел участок и подтвердил, что это действительно то место, где к нему пришло видение. Он заставил нас побегать в поисках других участков, нам пришлось вести переговоры об их покупке, но каким-то образом ему, наверное, всё же было известно, что в конечном итоге жить он будет именно на этом месте.

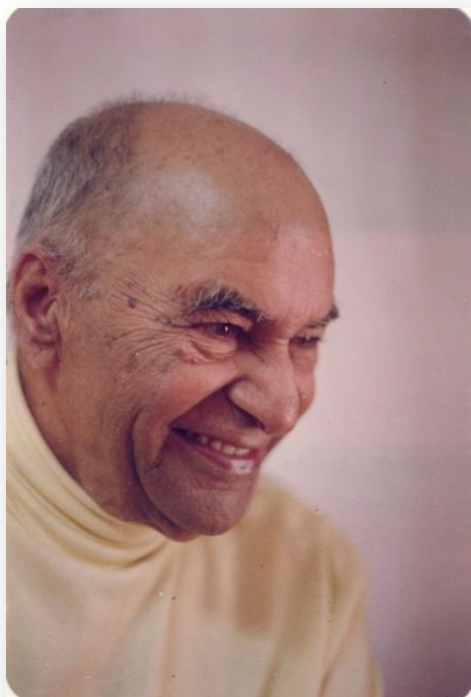
Я работаю в саду Сарадаммы в начале 1990-х гг. Сарадамма находится позади и надо мной с Аруначалой в качестве фона.

Я предложил ему свою помощь в обустройстве сада. Когда мы только начинали, участок представлял собой просто голое пространство, причём действительно до такой степени пустынное, что нам пришлось пригласить государственного земельного инспектора, чтобы он определил, где кончается наш пустырь и начинаются пустыри

соседей. Мы промерили участок, оградил его, выкопали колодец и начали посадку саженцев. В колодце вода не появилась, поэтому нам пришлось провести трубу к колодцу соседей и покупать воду у них. В течение трёх лет я ежедневно проводил в этом саду по несколько часов, заботясь о его деревьях и цветах. Это было трудное время для такого занятия, поскольку в тот период здесь была засуха. Сезон дождей не оправдывал ожиданий несколько лет подряд. Строительство дома для Лакшманы Свами и Сарадаммы уже началось, однако было приостановлено из-за того, что закончилась вода. Мы могли бы

привозить воду в цистернах, но обнаружили, что она была слишком солёной для использования в строительных работах. Такая вода могла вызвать ржавление железа внутри цемента. Когда работы прекратились, мне пришлось стать ночным сторожем этого участка. В доме лежало много инструмента и мешков с цементом, но не было ни дверей, ни окон, которые бы запирались и могли уберечь всё это от воров. Думаю, что я спал на этой строительной площадке большую часть года, присматривая за имуществом и ожидая дождей, которые позволили бы нам продолжить работы. Для поддержания жизни сада два лета подряд я покупал воду, которую привозили в цистернах. Все соседские колодцы пересохли.

Я продолжал жить в Раманашраме и работать над своим проектом, собирая и редактируя истории преданных Раманы. В 1990 году я написал Пападжи в Лакнау, чтобы узнать, нет ли у него желания опубликовать и свой рассказ в этой книге. В ответном письме он сообщил, что был бы рад, если бы в книге был и его рассказ, однако добавил, что писать его самостоятельно он не хочет. Он предложил мне составить для него список вопросов, на которые он постарался бы как можно полнее ответить устно, а разговор записать на магнитофон. Идея выглядела заманчиво.

Пападжи в начале 1990-х гг.

Однако очередь до её осуществления дошла у него лишь через несколько месяцев, и когда он, наконец, к этому приступил, то посвятил только один час рассказам о ранних годах своей жизни и об общении с Бхагаваном. К тому же в его рассказе обнаружились большие противоречия, но, когда я написал ему с просьбой их разъяснить, он просто ещё раз повторил те же истории. В 1992 году я решил поехать к нему в надежде, что мне удастся привести его рассказ в порядок. Я провёл рядом с ним две сумбурные недели, которые были такими потому, что через три дня после моего приезда умерла его жена, из-за чего

его обычный распорядок нарушился. Собралась его семья, состоялась поездка в Харидвар для предания праха водам Ганги, и всё же между всеми этими отъездами и возвращениями мне удалось получить большую часть нужных мне сведений. Причём многие из них я получил во время беседы, произошедшей в последнюю минуту, буквально за час до отхода моего поезда. Вот такой была эта поездка.

В Тируваннамалае я просмотрел все свои записи и на их основе сделал пятидесятистраничное описание жизни Пападжи, освещающее главным образом его ранние годы и встречи с Бхагаваном. Тогда я не интересовался тем,

что происходило после 1950 года. Однако относительно этого описания у меня тоже оставались некоторые сомнения, поскольку было ещё несколько событий, для которых я не смог найти подходящего места в общем ходе повествования, а Пападжи, между тем, эти события нравились. Затем он повторно пригласил меня в Лакнау, сказав, что у него есть ещё много историй, которые он хотел бы мне рассказать. Я приехал в марте 1993 года, собираясь побыть там недолго, а в итоге остался до самого его ухода в 1997 году.

Мишель: Что же вас так привлекло? Что заставило вас принять решение остаться на столь долгий срок?

Дэвид: Прежде всего, я чувствовал исходящие от него силу и покой. Он принадлежал к духовной линии Раманы, пропагандировал его учение и излучал явно ощутимую *шакти*, заставлявшую умолкать умы окружающих его людей, а иногда и приводившую их ко временному переживанию Я. Атмосфера была волнующей, заразной, почти каждый день люди переживали поразительные состояния. В добавок ко всему, у меня было его обещание рассказать о себе ещё больше удивительных историй. Первая моя поездка к нему была чем-то вроде «грабительского налёта». В те дни у меня было слишком мало времени. А в разгар всех происходивших тогда событий, связанных с похоронами, я должен был ещё и постоянно напоминать ему о том, что наше время ограничено и мне хотелось бы поговорить с ним о его жизни. Приехав к нему во второй раз, я ждал уже его собственной инициативы, однако, как бы это ни было странно, он с ней не спешил. Пригласив меня, чтобы рассказать мне свои истории, он не проявлял к этому ни малейшего интереса.

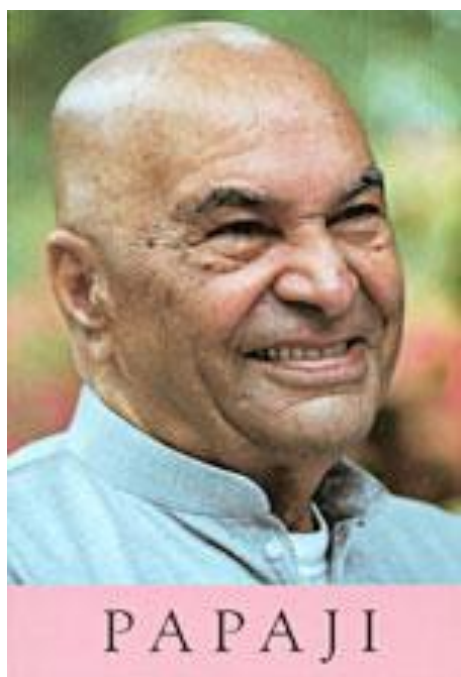
Через две недели после моего приезда мне дали проект книги, с которым не смог справиться другой человек. Немецкого доктора Габи попросили собрать беседы, которые Пападжи вёл с разными посетителями, и составить из них книгу. Ей пришлось немного помучиться, потому что английский не был её родным языком. Меня попросили ей помочь, и, когда она через несколько недель уехала из Лакнау, весь этот проект перешёл ко мне. Я хотел уделить ему достаточно времени и сделать всё надлежащим образом, но Пападжи желал, чтобы книга была издана срочно. У него не хватало терпения на долгие, затяжные проекты. Его девизом было что-то вроде: «Сделай это и сделай это сейчас!»

Ежедневно я давал ему читать то, что успевал сделать, однако мне понадобилось довольно много времени, чтобы понять, какой стиль ему нравится. Удалось же мне это, наконец, когда однажды я дал ему рукопись прямо перед обедом. Пообедав, он забрал её в свою комнату и там прочёл. Когда около четырёх часов вечера я пришёл к нему снова, меня уже ждал большой арбуз с моим именем на нём, и, когда затем я увидел Пападжи, он воскликнул:

– Это именно то, что мне нужно! Но где же остальное? Я хочу прочесть остальное.

За этим последовала его реакция, похожая на разочарование из-за того, что я не смог вот так взять и материализовать прямо из воздуха всю книгу по первому же его требованию.

После этого случая и осознания того, что именно было ему нужно, работа пошла легко. Думаю, что книгу я завершил примерно через два месяца, что, наверное, было всё же чересчур медленным делом, учитывая предпочтения Пападжи. Кстати, это была книга «Интервью с Пападжи».

Книга «Интервью с Пападжи»

Ещё одной причиной задержки было то, что Пападжи привлёк меня ещё и к созданию фильма. Американский кинематографист Джим Лемкин приехал в Лакнау и попросил у Пападжи разрешения снять документальный фильм о нём и его учении. Пападжи согласился и отправил меня помогать ему в качестве ассистента, интервьюера и главного консультанта. Я не знаю, почему эта работа досталась мне. До этого я никогда в своей жизни не работал над созданием фильмов. Месяца примерно через три фильм был готов. Таким образом, первые три месяца в Лакнау я провёл, заканчивая чужую книгу и помогая Джиму снимать фильм. При этом не было никаких признаков того, что Пападжи хотел бы поговорить со мной о тех эпизодах своей жизни, о которых он обещал рассказать. Я несколько раз обмолвился ему об этом, но это ни к чему не привело.

Спустя несколько месяцев я предложил ему просто сесть перед камерой и рассказать обо всех главных событиях его жизни. Я не знал, что ещё можно придумать, чтобы он начал рассказывать.

— Я не смогу этого сделать, — сказал он. — Мне нужны какие-нибудь заметки, которые подсказывали бы мне, какие именно истории я хочу рассказать.

Это было похоже на очередную попытку уйти от разговора, поэтому я решил немного надавить:

— Без проблем, — сказал я. — Я сам напишу для вас эти заметки. Я составлю список всех историй о вашей жизни, которые я когда-либо от вас слышал, и расположу их перечень в хронологическом порядке. Вы будете идти по списку и рассказывать о любом событии, каком захотите.

На это предложение я не услышал ответа, однако, несмотря на это, я всё же составил такой список и, найдя момент, вручил его Пападжи во время одного из его дневных чаепитий. Прочтя несколько первых вопросов, он очень оживился, стал их расхваливать, говоря, как они хороши и какое большое удовольствие он получит, отвечая на них. Затем он перевернул страницу и понял, что страниц с вопросами, на которые ему предстояло ответить, было на самом деле не две, а шестнадцать.

Радостное выражение покинуло его лицо, а энтузиазм улетучился.

— Это очень длинный список, — сказал он, всё его оживление уже исчезло.

– Да, – сказал я, – ведь вы прожили очень долгую жизнь, полную интересных событий.

Мне оставалось только надеяться, что я не провалю свой шанс, перегрузив его вопросами.

– Мне надо просмотреть всё это, – сказал он. – На полях я помечу, о чём я хочу рассказать.

Это было похоже на хорошую новость. По крайней мере, он был готов попробовать.

Список этот пролежал в его комнате несколько месяцев, причём, насколько я понял, совершенно нечитанным. Иногда я ему о нём напоминал, на что он мне отвечал, что он над ним работает. Впоследствии же, когда бы и о чём бы он ни рассказывал, он делал это, не держа в руках никаких бумаг.

В 1994 году я получил сообщение о том, что Аннамалай Свами хочет, чтобы я издал его книгу. Я спросил у Пападжи, на чём мне следует сосредоточиться. Здесь я должен упомянуть, что неофициально я был назначен преемником ещё одного проекта – книги, которая называлась «Ом Шанти». В 1992-м и начале 1993 года Пападжи начинал свои ежедневные сатсанги с краткого вступления, темой которого могла быть любая из тем, вдохновлявших его в тот или иной день. Эти беседы были записаны, и из них планировалось составить книгу. В какой-то момент предполагалось, что этим займётся Кэтрин Ингрэм, но, написав Пападжи, что она не сможет этого сделать, она тут же добавила: «Может быть, вместо меня это сделает Дэвид».

Пападжи прочёл это письмо вслух и сказал:

– Да, Дэвид сможет это сделать.

В тот момент я сидел в дальнем углу комнаты, и он даже не взглянул на меня, и он никогда не просил меня заняться этим официально. Поскольку в дополнительной работе я тогда не нуждался, – мне уже по горло хватало своей, – сам я не поднимал эту тему вплоть до разговора, который у нас с ним состоялся в 1994 году.

Я ему сказал:

– Меня попросили приехать в Тамил-Наду, чтобы проконтролировать издание книги об Аннамалае Свами. Косвенно вы упомянули о том, что хотели бы, чтобы я редактировал книгу «Ом Шанти», а вопросы по вашей биографии всё ещё вами рассматриваются. Что бы вы хотели, чтобы я делал, и в каком порядке?

– До завершения «Ом Шанти» осталось много работы? – спросил он.

– Первый вариант уже написан, – сказал я, – но он никому не нравится. Если я возьмусь за эту работу, то мне, наверное, придётся начать с нуля и сделать всё заново. На это может уйти несколько месяцев.

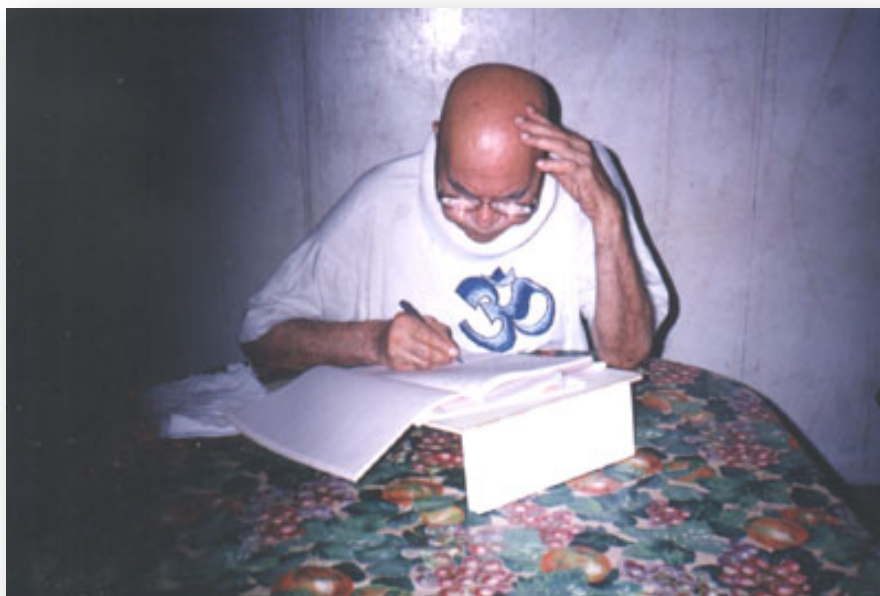
– Хорошо, – сказал он. – Нам больше не нужен этот проект. В нём нет необходимости. Возвращайся в Тируваннамалай, печатай свою новую книгу, и, когда вернёшься, мы начнём работу над моей биографией.

*Аннамай
Свами в своей
комнате в
Палакотту
примерно в
1994 г.*

Это было именно тем, что я хотел услышать. Я получил разрешение уехать и издать книгу Аннамай Свами, мне удалось избежать работы, которой я совсем не хотел заниматься, и Пападжи пообещал, что, как только я вернусь с юга, он начнёт работать над моим главным проектом.

Однако далее события развивались иначе. На самом деле планы редко сбывались, если к ним был причастен Пападжи. Как только я оставил его дом, уехав в Южную Индию, он отправил кого-то на рынок за большой тетрадью, нашёл у себя список моих вопросов, сдул с него пыль и принялся на эти вопросы отвечать, записывая ответы в купленную тетрадь. Люди, находившиеся рядом с ним, рассказывали, что он ежедневно посвящал несколько часов терпеливому продвижению по моему шестнадцатистраничному вопроснику. И, должно быть, чувствовал он себя при этом очень некомфортно. Дело было летом, с электричеством часто случались перебои, и к тому же на шее он носил специальный бандаж, поскольку страдал спондилитом. Бандаж очень мешал ему смотреть вниз на страницы, когда он писал, и всё же он втянулся в эту работу, сидел за ней каждый день и к моему приезду написал почти 150 страниц. Однако, как только я вошёл в дом, он тут же отложил ручку в сторону и больше не притронулся к этому занятию. Я много раз задумывался над этим явлением, но так и не нашёл ни одного толкового объяснения. Зачем ему нужно было ждать полгода, пока я уеду из города, чтобы приступить к записям своих воспоминаний, и почему он перестал делать эти записи, как только я вернулся? Он просил меня стать его официальным биографом, но похоже было, что, когда я был рядом, он просто был неспособен отвечать на вопросы. Тут следует заметить, что никто из знавших его людей никогда не смог бы упрекнуть его в робости или застенчивости. Если он хотел что-то сделать, он это делал, и, если он хотел что-то сказать, никакие общественные условности или правила вежливости не могли помешать ему сказать именно то, что он хотел. Он был сущим бульдозером во всём, что делал.

*Пападжи
работает с моим
вопросником в
Лакнау в 1994 г.*

Эти написанные от руки истории были именно тем, что мне требовалось, чтобы начать работу над книгой. Кроме хороших версий уже знакомых мне историй, там было также множество историй, о которых я ещё не слышал. Я как следует организовал свой рабочий процесс: нашёл себе компьютер; пригласил добровольцев, желавших прослушивать старые записи сатсангов для поиска всех возможных вариантов историй Пападжи; начал собирать письма всех, кому он когда-либо писал; написал всем, чей адрес был в его адресной книге, и начал проводить интервью со всеми теми людьми, которые, как я знал, были с ним связаны. Эта работа была очень долгой и в то же время чрезвычайно отрадной. Я увидел, как много людей со всего мира прошло, благодаря Пападжи, через полную трансформацию, причём иногда она случалась после единственной встречи с ним. Когда мне была нужна дополнительная информация, я составлял список вопросов, и Пападжи письменно на них отвечал. Похоже было, что такой формат устраивал его больше, когда дело касалось истории его жизни. Однако, когда я задавал вопросы о его учении, он приносил список на сатсанг и отвечал там, в результате чего пользу получали все.

*На прогулке с
Пападжи в
зоопарке в
Лакнау; 1992 г.*

На протяжении большей части своей жизни Пападжи запрещал своим преданным рассказывать о нём. На строжайшей секретности он настаивал, чтобы защитить свою частную жизнь. Когда я начал рассылать письма его старым преданным с просьбой рассказать мне их истории, они в свою очередь незамедлительно стали слать письма Пападжи, спрашивая у него, как они должны поступить. В своих письмах я всем объяснял, что делаю это с разрешения Пападжи, и всё же все они чувствовали вполне оправданную потребность это проверить. Пападжи просил, а в некоторых случаях даже приказывал этим людям рассказывать мне их истории. В результате от некоторых преданных я узнал о таких событиях, о которых они не говорили даже членам своих семей.

Каждый раз, заканчивая очередную главу, я отдавал её Пападжи для чтения и проверки. Поначалу он сперва просматривал новый материал дома, а затем приносил его на утренний сатсанг и там читал вслух. Однако спустя какое-то время он просто стал говорить: «Положи это в сумку для сатсангов. Я прочту это завтра». Должен признаться, меня трогало то доверие, которое он проявлял в таких случаях. Не думаю, что я согласился бы читать вслух свою биографию перед двумястами человек, не проверив прежде, что в ней написано. Сначала он делал в текстах некоторые исправления, но после того, как я понял, какой стиль описания событий ему нравится, он редко прикасался к написанному. Он даже перестал читать рукопись с ручкой наготове. И единственное, что он исправлял, читая несколько последних сотен страниц, были имена некоторых индийских преданных, которые я неправильно написал, поскольку никогда раньше не видел, как они пишутся. Последнюю часть материала он прочёл примерно за месяц до своего ухода в 1997 году. Иногда я жалею, что не работал быстрее, чтобы успеть вручить ему экземпляр первой книги. Эта книга вышла только в середине 1998 года.

После смерти Пападжи в сентябре 1997 года я закончил работу над «Ничто никогда не случилось» и вернулся в Тируваннамалай, где с тех пор и живу.

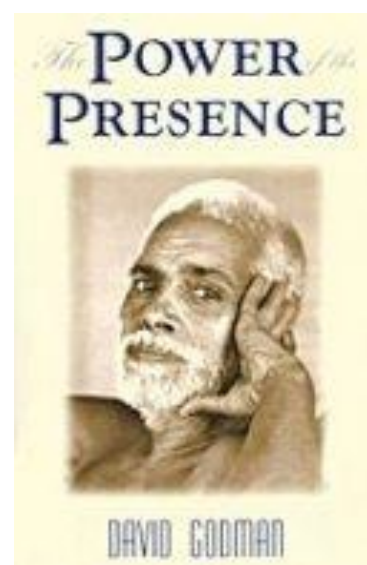
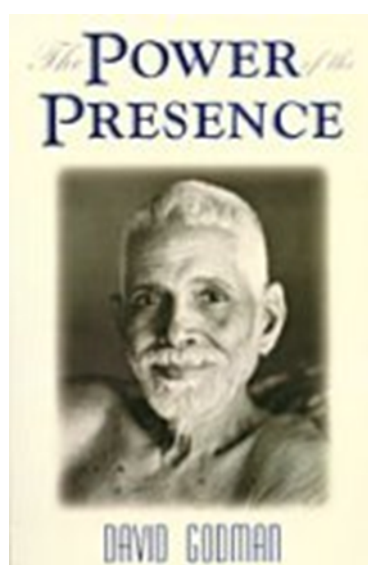
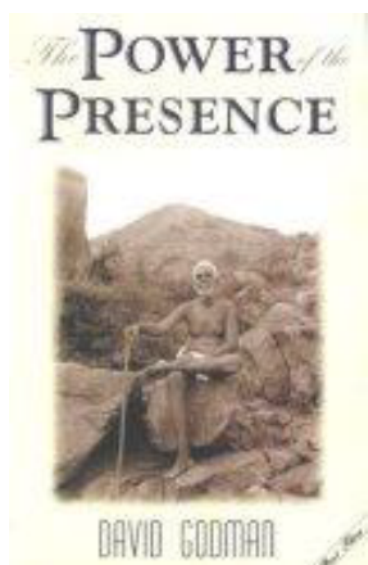

Книга «Ничто никогда не случилось»

Мишель: Над чем вы начали работать после возвращения? Над чем вы работаете сейчас?

Дэвид: Какое-то время я не делал ничего. Я сделал перерыв в писательстве. До середины 1998 года я ещё читал корректуры «Ничто никогда не случилось», но после этого сделал полный отдых от книг, который длился около года. Пападжи просил меня отредактировать его састанги, проходившие в Лакнау, и издать их отдельной книгой. Он даже сказал, какого она должна быть формата. Это большая работа, и я только сейчас к ней приступил.

В 1999 году я вдруг вспомнил о книге воспоминаний старых преданных Бхагавана, над которой начал работу ещё в 1980-х гг. В течение десятилетия всё моё внимание поглощали две книги об Аннамалае Свами и четыре книги о Пападжи, но, когда один из моих здешних друзей попросил дать ему взглянуть на одну из неопубликованных глав книги воспоминаний, я вынул всё из папки и перечитал это, наверное, впервые за десять лет. Увидев, что у меня есть масса хорошего материала, заслуживающего публикации, я начал на его основе создавать книгу. Так два года назад был начат этот проект, трёхтомник «Сила присутствия», завершённый совсем недавно, когда я получил, наконец, из печати последний том.

Трёхтомник «Сила присутствия»

Мишель: Сейчас свои книги вы издаёте сами. Что привело вас к такому решению?

Дэвид: В середине 2000 года я обратился к издательству «Пингвин» в Дели, чтобы узнать, не заинтересует ли их издание серии, впоследствии вышедшей под названием «Сила присутствия». И я хотел также выяснить, насколько будет для них интересным издание индийского варианта книги «Ничто никогда не случилось», поскольку тогдашнее индийское издание было слишком уж дорогим. Эта книга и сейчас продаётся только в американском издании. В Индии она стоит 45 долларов, то есть более 2100 рупий. Но здесь вряд ли кто-то позволит себе купить книгу по такой цене.

Когда я пришёл в главный офис издательства «Пингвин Индия» в Дели на встречу с редактором отдела духовной литературы, она заявила, что книга «Будь тем, кто ты есть» в «Пингвине» не издавалась, и у них нет никакой информации ни об этой книге, ни обо мне. Я не мог поверить, что она говорит это серьёзно, однако именно так и было. Более десяти лет эта книга постоянно находилась в печати в индийском отделении «Пингвина», и при этом, по словам редактора, никакой информации о ней не было ни в их каталогах, ни в компьютерах. Я решил больше не иметь дела с компанией, которая может относиться к книгам и авторам настолько безответственно, что в её компьютерах затем нет и следа названий и имён. Причём утерянной оказалась информация не только об английском издании, – редактору ничего не было известно и о версиях, издававшихся на нескольких индийских языках.

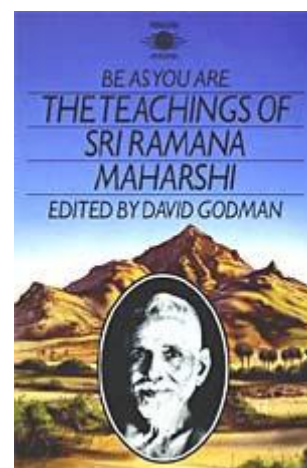
Книга «Будь тем, кто ты есть»

У меня всегда возникали неприятные моменты в отношениях с коммерческими издательствами. Когда в середине 1980-х гг. впервые была издана книга «Будь тем, кто ты есть», издательство даже не сообщило мне об этом и не прислало экземпляр. Первый увиденный мной экземпляр этой книги прислал мне по почте мой друг, купивший его в магазине подержанной литературы.

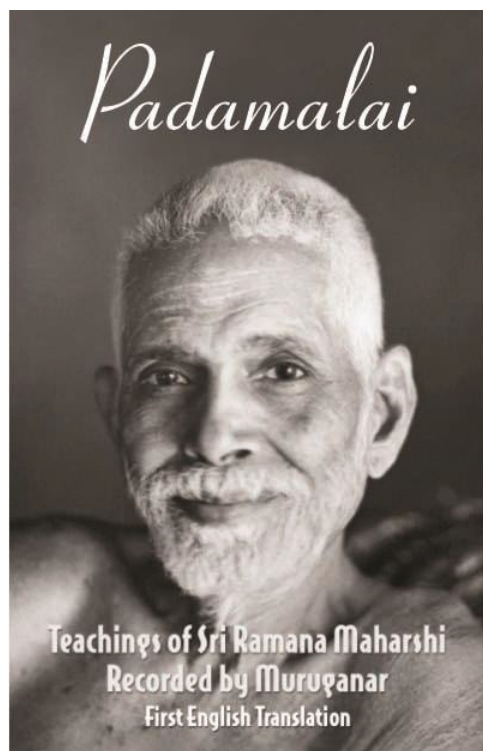
В итоге я решил издать «Силу присутствия» самостоятельно. Я чувствую, что мне приносит большое внутреннее удовлетворение возможность быть задействованным во всём, начиная с идеи и заканчивая распространением и сбытом книг в местах, находящихся в тысячах миль отсюда.

Мишель: Кроме новых книг о Пападжи, будет ли в ближайшем будущем опубликовано ещё что-нибудь?

Дэвид: Сейчас я работаю над книгой, в которой учение Бхагавана будет представлено в ещё одной форме, и надеюсь, что выйдет она где-то в конце этого года. Содержание книги будет основано на высказываниях Бхагавана,

изложенных Муруганаром в его тамильском труде «Падамалай». Возможно, новая книга будет названа так же. Есть ещё несколько идей, но они настолько неопределённые, что мне даже не хочется начинать о них разговор. Думаю, что на сегодня рассказов было вполне достаточно. Я уже несколько месяцев не говорил так много и чувствую, что теряю голос. Придите ко мне через год и спросите: «Что нового?», и, возможно, я смогу вам ещё о чём-нибудь рассказать. А на сегодня достаточно...

Книга «Падамалай»

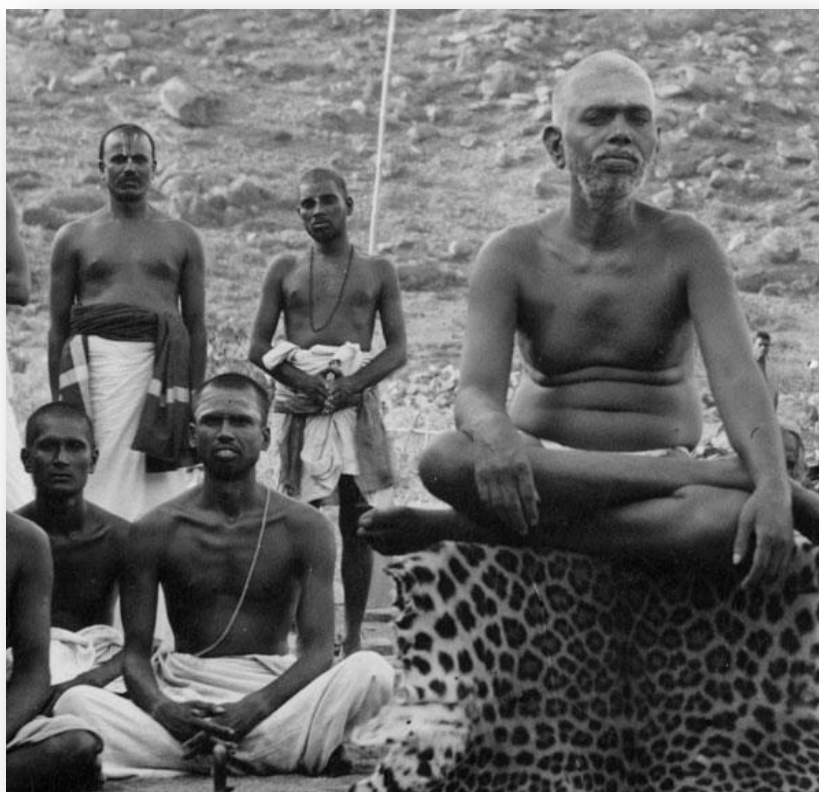
[На этом месте заканчивается интервью 2002 года. Часть статьи, следующая далее, была написана без интервьюера в 2012 году.]

Книга «Падамалай», упомянутая в последнем абзаце предыдущей части этой статьи, вышла в итоге в 2003 году. Она была создана на основе тамильского труда с таким же названием, состоявшего из 3000 стихотворений. Этот исходный тамильский труд был совершенно неструктурированным, и к тому же многие из входящих в него стихов были очень похожи между собой, причём настолько, что одна и та же мысль повторялась в них почти в одних и тех же выражениях. Труд был

опубликован в последнем томе девятитомника «Шри Рамана Джняна Бодхам» и содержал в себе все разрозненные стихотворения Муруганара, не вошедшие ни в одну из его книг, издававшихся ранее.

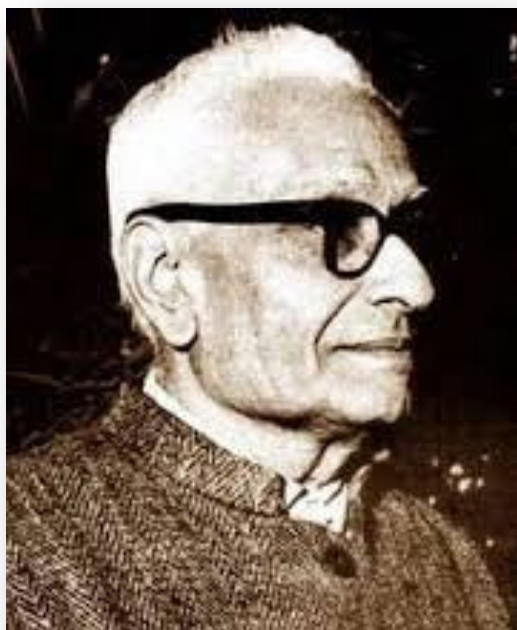
Муруганар сидит рядом с Бхагаваном в Раманашираме; 1924 г.

Муруганар был невероятно

плодотворным и вдохновенным поэтом, – за свою жизнь он сочинил более 20000 стихотворных произведений о Бхагаване и его учении. После первого же визита к Бхагавану в 1923 году он дал себе клятву не писать стихов на другие темы и соблюдал эту клятву до конца своей жизни.

Муруганар договорился с Садху Омом, чтобы тот был его литературным душеприказчиком, и завещал ему все свои бумаги. В последние дни своей жизни (в начале 1970-х гг.) Муруганар жил в помещении, находившемся рядом с аптекой Раманашрама. Администрация Раманашрама решила оставить за собой право распоряжаться всеми его трудами, однако Муруганар знал, что не было никого, кроме Садху Ома, кто бы одновременно обладал знанием тамильской литературы и был заинтересован в сохранности его записей. Он выдвинул ашраму ультиматум, заявив, что если ему не позволят передать рукописи Садху Ому, то он их сожжёт, потому что больше нет никого, кому бы он мог доверить их надлежащую публикацию. Ашрам сдался и разрешил Садху Ому оставить все рукописи себе. Последующие двенадцать лет Садху Ом посвятил упорядочиванию этих рукописей и изданию произведений, не издававшихся ранее.

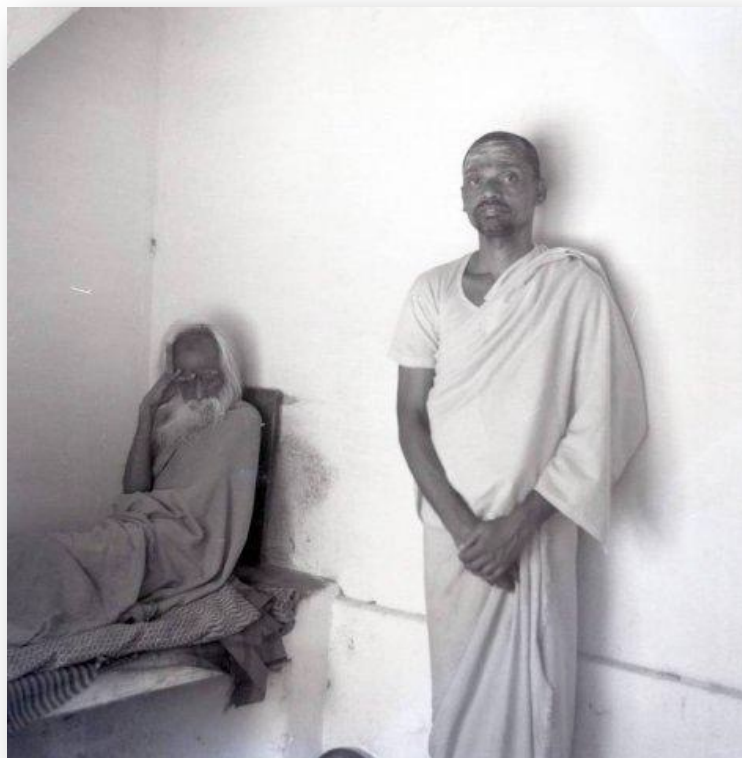
Профессор К. Свамианатан

Огромным поклонником поэзии Муруганара был профессор К. Свамианатан, работавший главным редактором «Собрания сочинений Ганди» в центральном правительстве в Нью Дели. Он убедил правительство выделить грант для организации «Нью Дели Рамана Кендра», что позволило ей опубликовать остававшиеся неизданными произведения Муруганара. Так увидели свет девять томов собрания сочинений «Шри Рамана Джняна Бодхам» на тамильском языке. В продажу они поступили по очень

льготной цене – 10 рупий за том. Садху Ом ушёл из жизни до завершения работ над этой коллекцией, но люди, помогавшие ему в этом проекте, продолжали редакторскую работу до тех пор, пока не были изданы все девять томов. Девятый том на тамильском был издан лишь в конце 1990-х гг., то есть по прошествии более двадцати пяти лет со дня смерти Муруганара.

*Садху Ом, стоящий рядом с
Тиннаем Свами*

Примерно в 2000 или 2001 году Т. В. Венкатасубраманьян, помогавший мне с переводом для книги «Сила присутствия», рассказал о том, что в последний том «Шри Рамана Джняна Бодхам» вошёл длинный, состоящий из 3000 стихов, труд «Падамалай». И из этих стихов, в которых Муруганар либо превозносит Бхагавана, либо выражает ему благодарность, большинство содержат учительские

наставления, высказанные самим Бхагаваном. Для меня это было всё равно что наткнуться на зарытый клад. Я давно свыкся с предположением, что весь касающийся учения материал, авторство которого можно было отнести к Бхагавану, уже переведен и опубликован, и больше ничего не осталось. Поэтому я был просто счастлив, когда Венкатасубраманьян предложил мне работать вместе с ним над переводом нового труда.

Первым делом мы решили исключить все лишние стихи, повторявшие мысли, уже высказанные в предыдущих стихах этого труда. Также мы опустили несколько стихов, тамильский текст которых был настолько путаным и невразумительным, что нам не удалось даже с наименьшей уверенностью определить, о чём в них говорилось. Тамильский язык Муруганара сложен и труден для понимания, и даже Садху Ому, когда поэт был ещё жив, иногда приходилось консультироваться с ним по поводу значения некоторых стихотворений. Однажды он принёс Муруганару одно стихотворение, чтобы получить точные разъяснения его смысла. Несколько секунд Муруганар раздумывал над ним, и затем даже он вынужден был признать, что смысла в нём он не находит. И тогда он сказал примерно так:

– Когда-нибудь Бхагаван откроет нам смысл этого стихотворения.

Это может звучать странно, но здесь следует помнить, что стихи Муруганара приходили к нему произвольно. Иногда можно было решить, что они формируются в его голове полностью завершёнными без особых сознательных раздумий. Если у него под рукой был карандаш, то он их быстро записывал на листке бумаги и затем забывал. В более поздние годы он писал их мелом на грифельной доске. И если поблизости не было никого, кто мог бы переписать стихотворение на бумагу, то часто он просто стирал с доски всё, что на ней было написано, чтобы записать новые стихи, пришедшие на ум. Когда такое случалось, стёртые стихи утрачивались навсегда. Он не слишком

задумывался над смыслом того, что писал, поэтому не удивительно, что, спустя годы, недоступность его стихов для понимания озадачивала его в той же степени, что и преданных, просивших его их разъяснить.

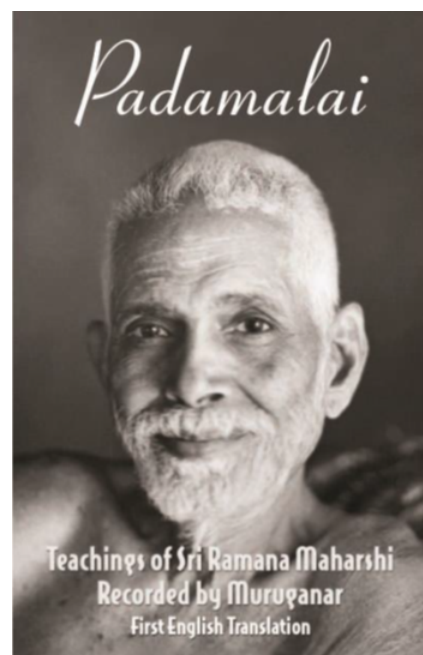
Муруганар, стоящий возле Храма Матери, вероятно, в 1960-х гг.

После того как мы убрали весь повторявшийся материал и отбраковали стихи, в которых были слишком неуверены, чтобы сделать хоть какой-нибудь более-менее приемлемый перевод, у нас осталось около 1800 стихов. Мы решили распределить их по тематическим разделам, разбитым на посвящённые разным темам главы. И также мы решили дополнить их большим количеством вспомогательных цитат, взятых из других книг, освещающих учение Бхагавана, принимая во внимание то, что во всей литературе, посвящённой учению, неизменно прослеживаются одни и те же

идеи. Иногда, например, какой-нибудь параграф из «Бесед со Шри Раманой Махарши» мог подробно освещать и разъяснять какое-нибудь краткое двустрочное стихотворение Муруганара из «Падамалай».

Книга «Падамалай»

После того как мы примерно месяц проработали над этим проектом, Венкатасубраманиян предложил пригласить поработать с нами в качестве помощника Роберта Батлера. На тот момент Роберт уже не жил в Тируваннамалае, поскольку в середине 1980-х гг. ему пришлось вернуться в Великобританию, чтобы присматривать за своими хворающими родителями. Там он женился и в итоге оказался окружённым многочисленной зависящей от него роднёй: женой, тремя её детьми от

предыдущего брака и двумя престарелыми родителями, узнавшими к тому же, что их пенсии, которую они рассчитывали получать, на самом деле не существует. Планы относительно повторного приезда в Индию Роберт отложил на неопределённый срок и много лет провёл в заботах о своём разросшемся семействе.

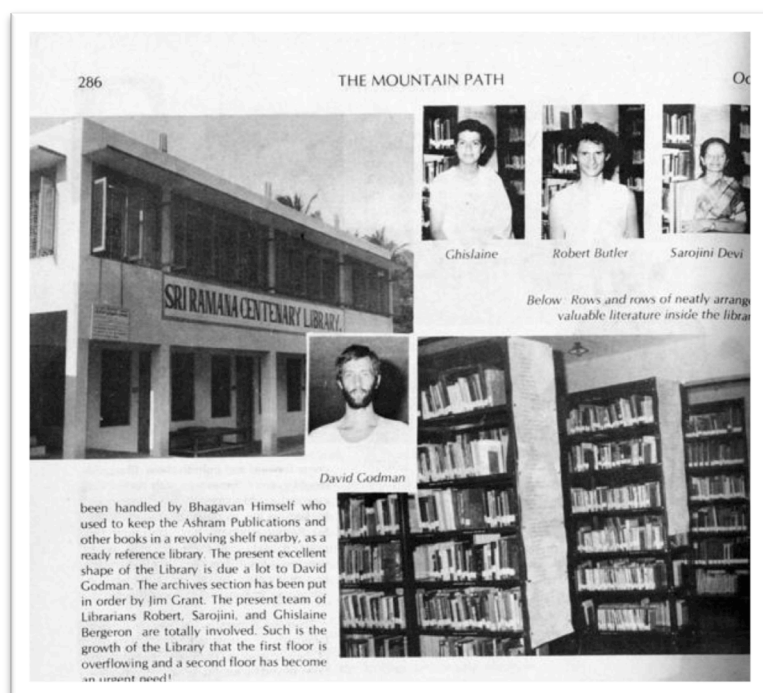
Роберт в Тируваннамалае примерно в 1980 году

В начале 1980-х гг. Роберт приезжал в Раманашрам, где помогал мне вести библиотеку. Вскоре я обнаружил, что он наделён природными способностями к языкам. Спустя примерно две недели после того, как он объявил о своём намерении изучать тамильский язык, я застал его в одном из наших местных кафе читающим тамильскую газету. Ещё через несколько недель он уже погрузился в тонкости литературного тамильского. А свои первые попытки в переводе

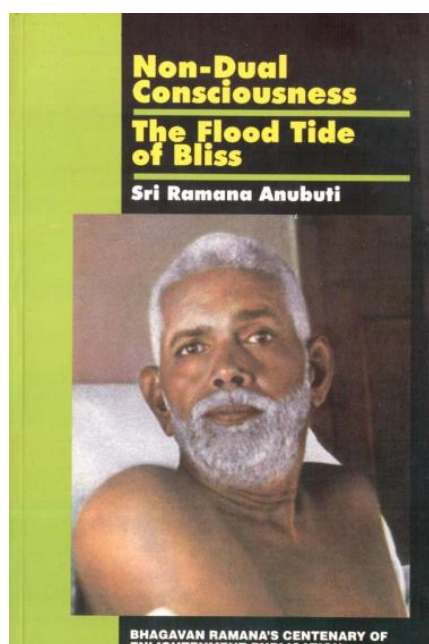
тамильской поэзии он предпринял уже примерно через полгода после начала изучения языка.

Страница журнала «Горный путь» 1982 года выпуска, где представлены фотографии здания библиотеки и её сотрудников. Моё фото – в центре страницы, а фото Роберта – центральное среди портретов верхнего ряда.

Роберт вернулся в Великобританию в 1983 году и продолжил изучать тамильский уже там. Примерно через полгода, работая ночным сторожем на заводе, он умудрился в перерывах между обходами заводской территории перевести средневековую

биографию Маниккавачагара. В 1990-х гг., когда он работал уже компьютерным специалистом в правительственном органе своего округа, бангалорский Учебный центр Раманы Махарши пригласил его работать над переводом книги духовной поэзии Муруганара. Несмотря на то, что с некоторыми стихотворениями ему пришлось помучиться и он вынужден был обращаться за помощью к разным индийским специалистам, ему всё же удалось получить перевод, достойный публикации. По прошествии многих лет, когда его переводческие навыки значительно улучшились, а познания в литературном стиле Муруганара существенно расширились, он пересмотрел и дополнил этот переведенный материал, а затем издал его уже самостоятельно.

Первые пробы Роберта в переводе Муруганара: книга «Недвойственное сознание: прилив блаженства».

Когда Венкатасубраманьян предложил мне его пригласить, Роберт не был в Индии уже много лет, и я понимал, что не общались мы с ним тоже уже многие годы. Я узнал его телефонный номер после старательных опросов телефонных справочных его родного города и позвонил ему затем из телефонной будки, стоявшей напротив ворот Раманашрама. Это происходило ещё до того, как мобильные телефоны прочно обосновались в индийском повседневном обиходе. Когда он понял, где я нахожусь, он попросил меня открыть дверь будки и с минуту или около того слушал пронзительные звуки Индии, раздававшиеся возле ворот ашрама. Он явно скучал по Индии и особенно по Тамил Наду. Мне не пришлось долго уговаривать его присоединиться к нашему проекту. На самом деле, он был в восторге от того, что ему предстояло сложное задание, работа над которым позволила бы ему расширить его уже и без того немалые познания в литературном тамильском.

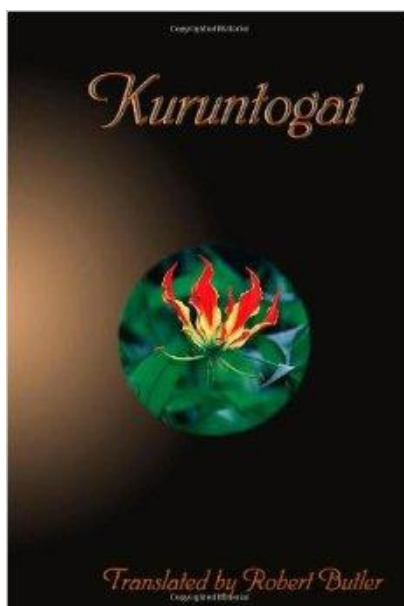
У Роберта всегда были способности к языкам. Он знал несколько европейских языков и однажды даже посвятил четыре года изучению французского языка в Оксфордском университете в Англии и в парижской Сорбонне. Как-то раз он мне рассказывал, что в университете он выиграл приз за лучшее эссе года на средневековом провансальском, правда, я не могу представить, чтобы в этом конкурсе могло быть слишком много участников. В конце последнего учебного года без какой-либо запомнившейся ему причины он оказался в «Блэквелле», книжном магазине Оксфордского университета, где купил санскритский словарь, учебник по санскритской грамматике и санскритский самоучитель. До этого он никогда не бывал в Индии, и ничего его туда не влекло, и всё же, по его словам, что-то заставило его взять эти книги в руки, купить их, принести домой и приступить к изучению языка.

*Роберт
сидит на
сцене во
время
концерта
музыки
карнатик
в
Тируван-
намалае
в начале
1980-х гг.*

Он сел за стол, раскрыл книги и попробовал пройти несколько начальных уроков. Но по непонятной причине не смог на них сосредоточиться. Всякий раз, садясь за урок, он ощущал физический дискомфорт, и большая часть отведенного для занятий времени уходила на ёрзание, а не на чтение книг. Это был первый язык, на котором он не был в состоянии сосредоточиться и который не смог быстро выучить. Наконец, после нескольких дней того, что можно было бы назвать вялыми потугами усвоить основы, он всё это оставил, решив, что это единственный язык, овладеть которым ему не суждено. Пару недель спустя, сидя на полу со скрещенными ногами, он решил сделать ещё один заход. На этот раз учёба пошла без усилий, и он освоил санскрит так же легко, как и все прочие языки. Он шутил, что его санскритские *самскар*ы (привычки и тенденции из прошлых жизней) таились в его коленях, и, как только он принял правильное положение, язык, который он когда-то уже изучал, без всяких усилий влился в него обратно. Он явно был индийским пандитом в изгнании. В течение 1980-х гг. я посылал ему по почте дхоти из Индии. Он ненавидел брюки, но на дневной работе в правительственном учреждении вынужден был с ними мириться. А уже вечером он надевал дхоти, садился на пол со скрещенными ногами и изучал тамильскую поэзию.

Много лет он питал страсть к поэзии Сангам, относящейся к загадочному периоду тамильской литературы 2000-летней давности. Он изучил её стилевые тонкости, её символизм и грамматику и в итоге достиг уровня компетентности, вполне достаточного, чтобы опубликовать перевод труда «Курунтогай» — одного из самых больших сборников любовной поэзии, относящейся к этому забытому периоду тамильской истории.

Книга «Курунтогай»

Нашу переводческую команду возглавлял Т. В. Венкатасубраманьян, тамильский брахман, получивший в Ченнае степень доктора в области металлургии и семь лет проработавший в постдокторантуре Лондонского университета. Он любил свою научную работу и, вероятно, достиг бы вершин в своей профессии, продолжи он исследовательскую деятельность, если бы самой большой его любовью не был Бхагаван и особенно литературные произведения, описывающие его учение на тамильском. Венкатасубраманьян вышел на пенсию, когда ему не было и сорока, купил участок земли рядом с дорогой *прадакишины* и там построил себе дом. Каждое утро он совершал *прадакишину* вокруг Аруначалы, а затем большую часть времени занимался изучением литературного тамильского и духовной классики, написанной на этом языке.

Я не привожу здесь фотографий Венкатасубраманьяна по той причине, что он ведёт уединённый образ жизни и не любит публичности. Я сомневаюсь, что многие, не считая тех нескольких людей из Раманашрама, которые сотрудничают с ним в литературных проектах, смогли бы его узнать, случись им встретить его на улице. Я думаю, что он любит анонимность и оберегает своё личное пространство, поэтому я не стану посягать на его права, публикуя его фотографии.

Грамматика литературного поэтического тамильского отличается от грамматики разговорного языка до такой степени, что образованные тамильцы не могут читать тексты своей же литературной классики, если этому не предшествует длительное изучение правил и норм тамильской просодии. Свой научный интеллект Венкатасубраманьян приложил именно к этой области. За несколько лет и почти без помощи учителей он достиг в тамильском языке таких знаний, которые не имели себе равных. Он обладал почти фотографической памятью, позволявшей ему запоминать почти всё из того, что он когда-либо читал или изучал. Он считал это результатом индийских образовательных методов, при которых в учебном процессе в основном применяется зубрёжка, однако, на мой взгляд, дело было не только в этом. Я думаю, что он одарён от природы и поэтому ему не нужно было слишком уж стараться, чтобы почти идеально запоминать все те тексты, с которыми ему когда-либо приходилось работать.

Венкатасубраманьян испытывал большой интерес к «Теварамам» — тамильским религиозным гимнам, сочинённым более тысячи лет назад тремя тамильскими святыми, однако, поселившись в Тируваннамалае, он направил свою энергию на произведения Муруганара, поэта и преданного Бхагавана, написавшего более 20000 стихотворений, в которых он либо восхваляет своего учителя, либо излагает его учение. Венкатасубраманьян помог мне с несколькими главами, вошедшими в «Силу присутствия». Когда эта работа

была завершена, он предложил мне работать над произведениями Муруганара совместно. Я согласился, и так началось наше плодотворное сотрудничество, длящееся уже более тринадцати лет.

*Муруганар (слева),
стоящий на
вершине Аруначалы
перед факелом,
зажигаемым в
кульминационный
момент фестиваля
Картикай Дипам.
Эта фотография
была сделана,
наверное, около
1930 года. Справа
от него стоят
Кунжу Свами и
Йоги Рамайя.*

Переводческий
стиль Роберта был
невероятно
поэтическим, в то

время как Венкатасубраманьян больше склонялся к дословности и прозе. Тип его мышления, выработавшийся, очевидно, в результате его научной деятельности, не выносил ни малейших отступлений. Он добивался точной и идеальной передачи смыслов, даже если фразы в итоге выходили несколько корявыми.

Наша переводческая работа началась в доме Венкатасубраманьяна на дороге *прадакшины*. Несмотря на докторскую степень, учёный не испытывал никакого интереса к компьютерам. Мы сидели у него на полу со скрещенными ногами, с ручками и бумагой в руках и медленно прорабатывали (часто слог за слогом) те стихи, которые предварительно отбирали на тот или иной день. Если перевод продвигался достаточно легко, то обычно он набрасывал черновик, над которым мы вместе могли трудиться в течение следующего часа или около того. Когда он убеждался в том, что он разъяснил мне все смысловые нюансы и объяснил, что чему соответствует и в каком порядке должны следовать многочисленные придаточные предложения, я шёл домой и в течение часа или двух пытался создать более изящный вариант, не нарушая целостности перевода. Как правило, свой вариант я показывал ему на следующий день. И неизменно он приходил к заключению, что необходимы его дальнейшие обработка и правки, чтобы он мог точнее передать смысл исходного тамильского текста. Когда мы приходили к варианту, удовлетворявшему как страсть Венкатасубраманьяна к буквальности, так и моё большое стремление к

изяществу и ясности, я отправлял его Роберту, часто в сопровождении многочисленных примечаний, объяснявших, как мы пришли к нашей заключительной версии. Мы почти ежедневно спрашивали у него совета по поводу предложений, которые, несмотря на все наши усилия, нам никак не удавалось перевести на легко читаемый английский. Часто Роберт полностью переписывал написанное нами, однако, несмотря на то, что в его версиях английский всегда был лучше и благозвучнее, Венкатасубрамания столь же часто упрямылся и заявлял, что Роберт слишком уж сильно отклоняется от подлинной тамильской грамматики. Варианты многократно курсировали туда и обратно до тех пор, пока все трое из нас не утверждали радостно какую-нибудь версию как окончательную.

Несмотря на то, что у всех нас уже имелся опыт совместной работы над четырьмя книгами и значительным числом более мелких проектов, особенность наших рабочих отношений состояла в том, что мы ни разу не собирались все вместе в одном помещении, чтобы работать над текстом бок о бок. Роберт участвовал в работе посредством электронной переписки, а я работал с Венкатасубраманиям в Тируваннамалае, исполняя роль связующего звена между ними. Творческая и стимулирующая борьба между буквализмом Венкатасубрамания и стилевым чутьём Роберта была весьма дистанционной, часто завершавшейся тем, что компромиссную версию, удовлетворявшую всех троих, формулировал я.

Примерно в 2001 году Венкатасубрамания решил перевести «Шри Рамана Даршанам», тамильское произведение, написанное в 1950-х гг. Садху Натананандой, учёным и преданным Бхагавана, который впервые встретился с Бхагаваном в Скандашраме в 1917 году.

Садху Натанананда сидит в своём саду в Рамана Нагаре; примерно 1970 г.

Натанананда составил также «Упадешу

Манджари» («Духовное наставление») – подборку вопросов и ответов, которая настолько впечатлила Бхагавана, что была включена в тамильское издание «Собрания сочинений». В последующие годы Натанананда отредактировал версию «Вичары Санграхам» («Самоисследования») в вопросах и ответах и написал свою версию этого произведения в форме эссе. Этот текст тоже появлялся во всех изданиях «Собрания сочинений», выходивших после написания Натананандой первоначальной версии «Вичары Санграхам» в начале 1930-х гг. В 1939 году Бхагаван попросил его быть редактором «Гуру Вачака Ковай», собрания устных наставлений Бхагавана, записанных Муруганаром. К нему я ещё вернусь позднее, поскольку это одно из произведений, которые Роберт, Венкатасубраманиян и я переводили вместе.

Стиль Садху Натанананды был тяжеловесным, художественным и неоправданно пространным. Он мог составлять предложения длиной в несколько страниц, а эти предложения могли содержать в себе несколько дополнительных тем, которые, казалось, либо были мало связаны, либо совсем не имели ничего общего с главным тезисом, который он пытался выразить. И он до такой степени любил подстрочные примечания, что иногда делал примечания к своим же примечаниям. Его авторский стиль был настолько витиеватым, образным и глубоко философским, что у простых тамильцев было уж совсем мало шансов понять то, что он пытался сказать. Поскольку опубликовать эту книгу пообещал ашрам, я показал наш перевод Сундараму, президенту Раманашрама. На следующий день он её вернул, фонтанируя при этом хвалебными эпитетами.

– Я знал, что это будет хорошая книга! – восклицал он. – Но я даже представить не мог, насколько она будет хороша!

– А вы разве не читали её в оригинале? – спросил я отчасти невинно.

– Конечно, нет, – ответил он. – Никто не может читать Натанананду на тамильском. Мы и слова не понимаем из того, что он пишет.

И это было сказано коренным тамильцем, человеком, лично знавшим Натанананду и любившим Рамана-литературу.

Труднопроходимая природа исходного текста была тем, что мы должны были отразить в переводе. Мы хотели, чтобы английский вариант передал сложную насыщенность оригинала с его бесконечными придаточными предложениями, и в то же время не хотели, чтобы он был настолько же недоступным для понимания, как и тамильское издание. Поэтому большинство этих бесконечных предложений мы разбили на более короткие конструкции, постаравшись при этом сохранить наставительный смысл отдельных высказываний, принадлежащих Бхагавану. Вот, к примеру, что пишет Натанананда, передавая разъяснения Бхагавана о том, что истинным смыслом прикосновения к физическим стопам Гуру является прикосновение к Я:

«Только Высочайшее Я, всегда сияющее в твоём Сердце как реальность, есть *Садгуру*. Чистая осознанность, сияющая как внутреннее самосветящееся Я, есть его благодатные стопы. Только прикосновение к этим [внутренним святым стопам] может принести тебе истинное спасение. Соединение ока отражённого сознания [*чидабхаши*], являющегося твоим чувством индивидуальности [*джива бодхой*], с этими

святыми стопами, которые суть истинное сознание, является союзом стоп и головы, который есть истинное значение слова “*ази*”. Когда эти внутренние святыи стопы удерживаются далее естественно и непрерывно умом, направленным внутрь, крепко привязанным к той внутренней осознанности, то это и есть твоя собственная истинная природа. Лишь это одно является правильным путём, устраняющим оковы и приводящим к высочайшей истине».

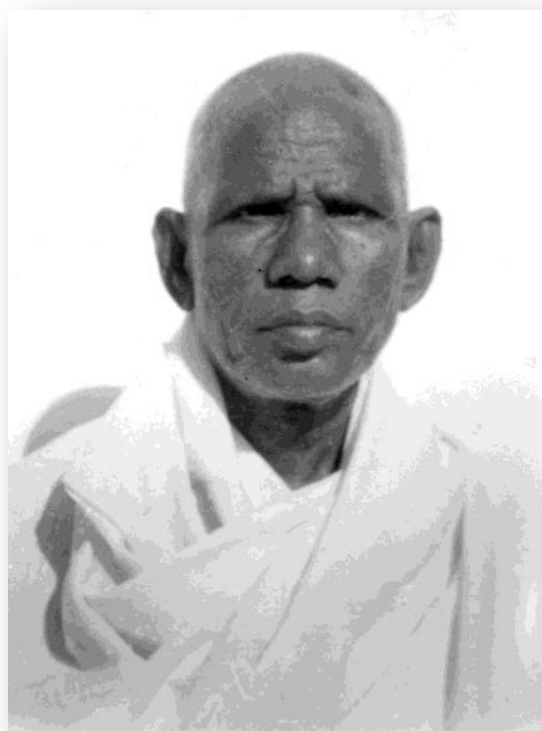
Кажется, я припоминаю, что в оригинале всё это шло одним предложением. Слово «*ази*», упоминаемое в этой цитате, относится к *махавакье* «тат твам ази» (ты есть то). «*Ази*» означает «есть». Метафора Бхагавана говорит о том, что внутреннее состояние бытия открывается, когда личность (отдельное бытие) поглощается «святыми стопами» чистого сознания.

Впрочем, такая философская напряжённость текста встречалась не всегда. Наряду с серьёзным анализом многих аспектов учения Бхагавана присутствовали также и развлекательные места.

Мне нравился подход Натанананды к учению Бхагавана, поскольку он всегда был прочно привязан к адвайтической реальности собственного переживания Я Бхагаваном. Все наставления, все цитаты и все анекдотические истории неуклонно возвращали к бесформенному Я, обнаружить которое можно было только путём соединения с Я внутри.

Один мой немецкий друг, прочтя рукопись ещё до её публикации, сказал следующее: «Мне нравится, как пишет этот человек. Он кладёт на хлеб не слишком много масла».

Кратко Натанананду можно охарактеризовать так: строгий учёный-философ, всегда побуждающий своих читателей придерживаться основ и не попадать в ловушку чего-то такого в жизни и учении Бхагавана, что является внешним по отношению к сущностным положениям учения.

Садху Натанананда. Короткое видео, где он говорит о Бхагаване во французском документальном фильме 1969 года, можно найти здесь: <https://youtu.be/3sdkqQerIOg>

Однако не подумайте, что он был всего лишь сухим и скучным академиком, чьё знание было только интеллектуальным. Он убедился в истинности учения Бхагавана на собственном опыте и рассказывал о нём, исходя из собственного прямого переживания, а не знаний, почерпнутых благодаря изучению сказанного о нём. В конце книги «Шри Рамана

Даршанам» мы добавили две длинные поэмы, написанные Натананандой, но не вошедшие в тамильское издание. И хотя в основном они представляют собой краткое изложение учения Бхагавана, иногда в них встречаются места, отражающие проблески духовных опытов, пережитых Натананандой благодаря как его собственной практике, так и милости Бхагавана. Вот несколько примеров таких мест:

Я избавился от тяжелой ноши, поручив свою жизнь покровительству Шри Раманы. Моя ответственность за свою жизнь стала его ответственностью, я же обрёл спасение.

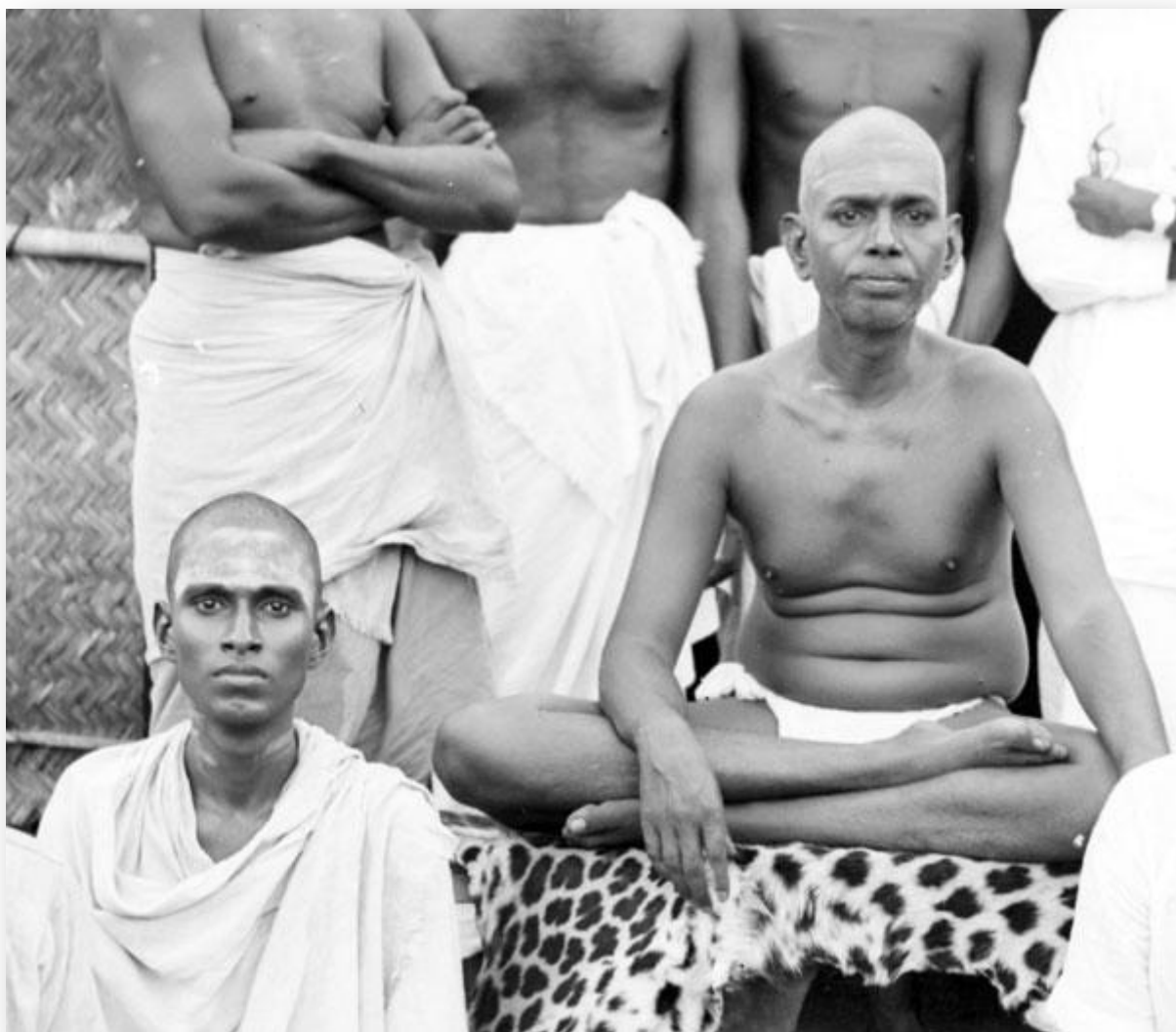
Когда я осознал, что ни одно действие не было моим и все действия суть деяния Господа, я освободился от эго.

Одна только мысль о Шиве Рамане очистила мой ум, полностью развеяв страх рождения и смерти.

Избавившись от тягостных привязанностей, «я» умерло. То, что оживляет тело сейчас, – это бытие-сознание, то, что обитает в нём как мой Господь.

Какие же я, ничтожный пёс, совершал в своём прошлом великие дела, что теперь они позволили мне быть рядом с ним – тем, кому нет равных, – и так достичь спасения?

Садху Натанананда был моим первым соседом, когда я жил в Тируваннамалае, приехав туда впервые в 1970-х гг. Иногда мы встречались на улице, выходя по своим делам или возвращаясь домой, однако мы даже ни разу не поздоровались. Старый преданный Бхагавана Вишванатха Свами рассказывал мне о нём, что ему не нравилось, когда люди обращали на него внимание или приветствовали на улице. Вишванатха Свами является автором вступления к первому тамильскому изданию книги «Шри Рамана Даршанам», которое он написал в 1950-х гг., однако я замечал, что даже он смотрел в землю, когда мимо проходил Натанананда. Натанананда был простым, скромным человеком, предпочитавшим заниматься своими собственными делами и любившим, чтобы его не беспокоили, когда он выходил из дому.

Вишванатха Свами, сидящий рядом с Бхагаваном в 1920-х гг.

Вишванатха Свами в своём вступлении оставил следующее красноречивое высказывание о Садху Натанананда:

Обладая столь тонким пониманием, Садху Натанананда следовал по пути учения Бхагавана, став в конечном итоге тем, кто обрёл от него истинное благо... Через свою книгу Садху Натанананда даёт нам всем возможность получить *даршан* подлинной природы и формы Шри Раманы Бхагавана, после того как он сам увидел её и спасся ею.

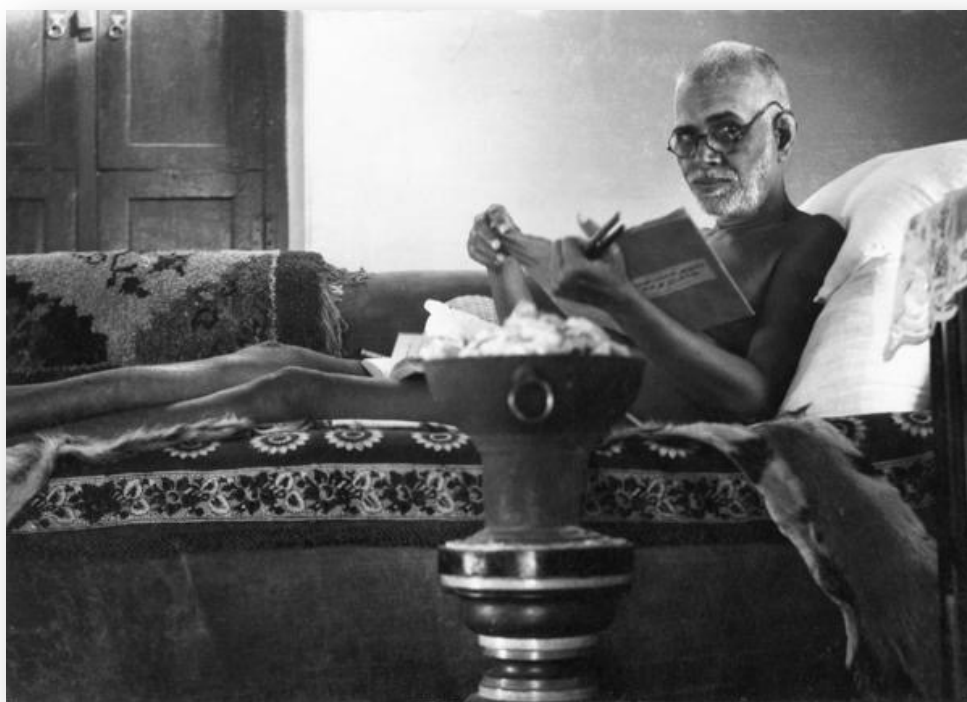
Когда мы с Венкатасубраманьяном закончили работу над книгой, я передал содержащий её файл президенту Шри Раманашрама и забыл об этом. Материал был готов к публикации, и думаю, что готовую книгу я ожидал увидеть уже через несколько недель. Однако, к сожалению, неожиданно случилось одно трагическое событие, которое потребовало от меня

первоочередного внимания. В офисе ашрама я оказался только через пару месяцев после того, как файл был отдан. Там я увидел на столе экземпляр книги нашего перевода, который был уже напечатан и ходил по рукам. Несколько человек решили, что перевод нуждается в редактировании, и измарали всю рукопись своими правками. Глядя на печатную копию, я понял, что многие места в нашем тексте были изменены и эти изменения попали в свежее издание, которое я видел перед собой. К сожалению, анонимные редакторы не отличались последовательностью и аккуратностью. К примеру, кто-то из них в нескольких местах исправил слово «джива» на «джиива» и при этом проигнорировал все остальные места, где оно встречалось. Кто-то ещё решил, что некоторые примечания не нужны, и вычеркнул их. Однако за этим, увы, не последовало корректировки нумерации, в результате чего нумерация примечаний могла быть такой: 1, 2, 4, 5, 7, 9 и так далее. Похоже было, что неоправданные переделки или добавления были на каждой странице, и многие из них содержали орфографические или грамматические ошибки. Текст, на мой взгляд, был бессмысленно испорчен неквалифицированными редакторами, и было похоже, что эти несообразные изменения должны были попасть в печать.

Я отправился к Венкатасубраманьяну, рассказал ему о происходящем, и спросил, не желает ли он пойти со мной к президенту ашрама, чтобы поставить его в известность о том, что случилось с нашей «финальной» версией. Но он меня удивил, заметив, что то, что было предложено Богу, нельзя взять обратно, и, вручив ему подарок такого рода, нельзя отступать назад и выражать недовольство тем, как он будет использован впоследствии. Я был поражён. Он был таким перфекционистом, что охотно тратил недели на то, чтобы убедиться, что перед поступлением книги в печать из неё убрана малейшая ошибка. Однако в данном случае культурные нормы требовали, чтобы он проглотил эту пилюлю и допустил к публикации усеянную ошибками книгу с его именем на титульном листе.

Я же не чувствовал себя связанным этой культурной условностью. Я помнил, что Бхагаван бывал недоволен, если видел ошибки в книгах ашрама. Он сам перечитывал эти книги с целью проверки и выражал недовольство, если в книгах о нём обнаруживались фактологические ошибки или ошибки печати. Я решил встретиться с Сундарамом, президентом ашрама, чтобы посмотреть, удастся ли мне убедить его отказаться от версии, ходившей по офису. Готовясь к этой встрече, я отобрал несколько страниц с самыми вопиющими ошибками, допущенными в тексте.

*Бхагаван,
читающий и
проверяющий
книгу на
тамилском в
Старом Холле.*

По дороге к
ашраму я
увидел Нанна
Гару, шедшего
мне навстречу
по другой
стороне улицы.
Он был
преданным
Бхагавана,
имевшим

множество последователей в северной части Андхра Прадеша. Его преданные считали его великим реализованным существом. Мне он нравился тем, что он настаивал, чтобы все его последователи занимались самоисследованием. Его преданными в основном были крестьянки, жившие в его местности, однако он не делал никаких поблажек их религиозным предпочтениям. Им всем было сказано регулярно выполнять практику самоисследования.

*Я сижу с Нанна
Гару в его комнате в
Раманашрам в
конце 1980-х гг.*

Всякий раз,
когда Нанна Гару
приходил в
Раманашрам, его
сопровождало до ста
человек. Думаю, что
прежде я никогда не
видел, чтобы он шёл
по улице в
одиночестве. Мы
встречались
несколько раз и

говорили о Бхагаване и его учении, однако я не назвал бы его тем, с кем я был особенно близок.

Тем не менее, завидев меня, он подбежал ко мне, со всей энергичностью заключил меня в крепкие объятия и принялся выкрикивать: «Дэвид Годман! Дэвид Годман! Как это прекрасно видеть вас здесь!»

До этого он никогда так себя не вёл, и я никогда раньше не видел, чтобы в публичном месте в Тируваннамалае он был один, без своей свиты. Всё в этой встрече выглядело крайне странно.

Я продолжил путь в Раманашрам, где прежде всего собрался рассказать о своей проблеме Бхагавану. В *самадхи*-холле я положил рукопись на пол перед собой, простёрся перед Бхагаваном, сел, закрыл глаза и мысленно рассказал ему обо всех тех разнообразных событиях, которые привели к тому, что я пришёл сюда. Открыв глаза, я увидел, что передо мной стоит тарелка печенья с шоколадной крошкой. Я огляделся по сторонам, однако в помещении больше никого не было. Раньше со мной такого никогда не случалось. Это было второе странное происшествие за последние несколько минут.

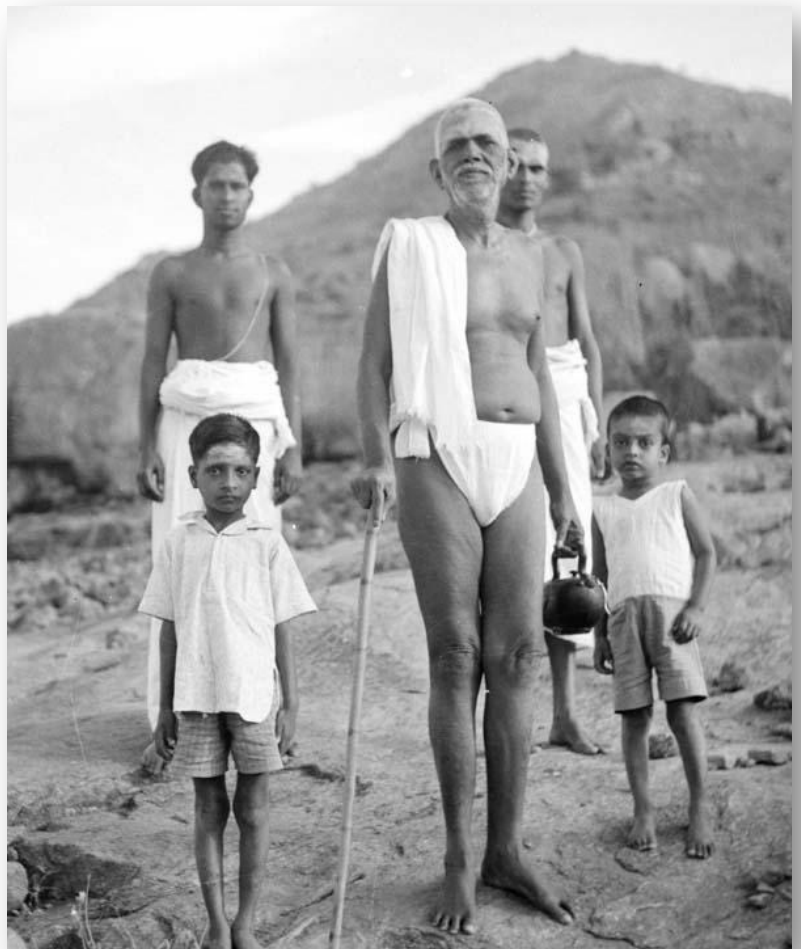
*Бхагаван на горе с
Сундарамом (впереди и
слева), будущим
президентом Шри
Раманашрама. Бхагавану
он приходится внучатым
племянником.*

Я пошёл в офис ашрама, чтобы поговорить с Сундарамом, президентом Раманашрама, объяснил ему, что было не так с напечатанным материалом, и показал несколько примеров того, как текст был без нужды исковеркан. Он понял, что я хотел до него донести, и спросил, сколько времени уйдёт на исправление всех ошибок.

Я сказал:

– Не знаю. На это может уйти неделя или около того, поскольку печатная версия содержит изменения, которых нет в оригинале. Возможно, мне придётся провести пословное сравнение этой версии и исходного текста, чтобы увидеть, где именно эти изменения были внесены.

Его лицо выразило уныние:

– Готовая книга будет мне нужна уже через неделю или около того. Я еду в Соединённые Штаты и собираюсь раздавать её преданным, с которыми буду там встречаться.

Выход был простым. Я сказал:

– Тот файл, который я передал вам пару месяцев назад, не содержит ни единой ошибки. Он был готов к публикации.

Он просиял:

– Правда?! Мы можем работать с ним прямо сейчас?

– Этот файл в формате Word, – сказал я. – Вам необходимо будет отформатировать страницы в другой программе, однако если вам удастся это сделать достаточно быстро, вы сможете получить готовую книгу вовремя.

Он встал со словами:

– Идёмте со мной.

И, выйдя из офиса, направился в одну из комнат ашрама, где книги готовились к публикации.

Войдя в эту комнату, он громко крикнул всем, кто там находился:

– Прекращайте делать всё, что вы сейчас делаете. У Годмана есть файл, и я хочу, чтобы этот файл как можно скорее стал книгой. Собственно, я хочу, чтобы это было сделано...

Он помолчал пару секунд, раздумывая над тем, какие бы сроки нам установить.

– Я хочу, чтобы это было сделано уже вчера!

И вышел из комнаты, не ожидая ответа.

Все в комнате уставились на меня, возможно, задаваясь вопросом, как мне удалось воодушевить Президента до такой степени. Не думаю, чтобы до этого кому-либо когда-либо приходилось видеть, чтобы он так себя вёл. Я сел рядом с Шивой, главным художником-графиком и оформителем книг ашрама, и приступил к работе. Книга не такая уж объёмная, но я до сих пор удивляюсь тому, как нам удалось разбить файл на страницы и подготовить материал к печати за каких-нибудь шесть часов. Эти работы были завершены к десяти вечера. Шива остался, чтобы заняться дизайном обложки, и ушёл домой, наверное, около полуночи. На следующее утро я пришёл, чтобы проверить сделанное и написать аннотацию для задней стороны обложки. К полудню я уже был готов предоставить Президенту законченный файл. Ещё через три дня в ашрам был доставлен первый экземпляр книги, то есть за несколько недель до поездки Президента в США.

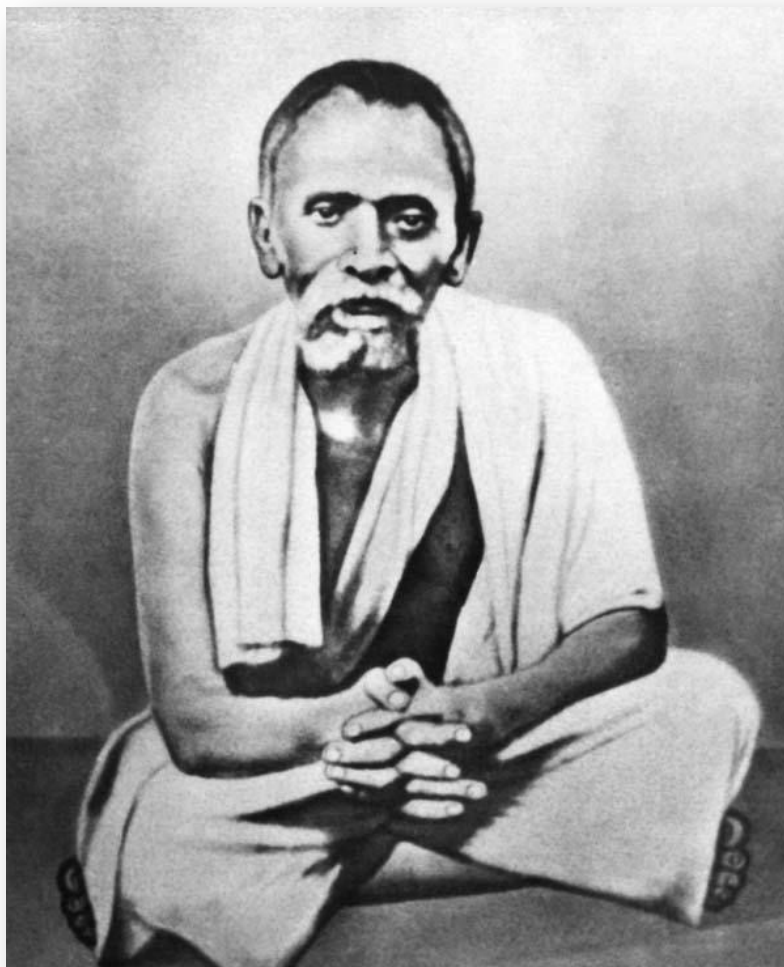
Такой результат был просто сказочно быстрым. Обычно у меня уходили недели на усовершенствование макетов моих собственных книг, и в те дни мне никогда не встречался издатель, который мог бы выпустить книгу менее чем за две или три недели. Всё это происходило ещё до наступления эпохи «печати по требованию», и, чтобы издать книгу, необходимо было выполнить ряд трудоёмких операций.

Я часто размышлял над этим поразительно скоростным проектом. Не была ли встреча на дороге с Нанной Гару с его широкими объятьями своего рода благословением? В течение первых двух десятилетий двадцатого века Сешадри Свами показывал своим настроением, будет или не будет успешным чей-то визит к Бхагавану с целью о чём-нибудь его попросить. Он был способен

не только чувствовать проблему, – его позитивная или негативная реакция показывала также, получит ли посетитель желаемое от Бхагавана.

Сешадри Свами

Был ли чем-то подобным жест Нанны Гару? И как быть с тарелкой печенья, возникшей передо мной чудесным образом? И чем в действительности была вызвана несвойственная Президенту эмоциональная реакция на моё обращение? Было ли всё это знаками Бхагавана, говорящими о его желании, чтобы книга была издана быстро и без ошибок? Или это было просто рядом странных совпадений, по счастливой случайности завершившихся желаемым результатом? Этого я не знаю.

Кроме труда Муруганара, бывшего моей главной заботой на протяжении большей части первого десятилетия этого века, мне также удалось подготовить к печати и издать книгу диалогов Пападжи «Пламя свободы». Корни этого проекта тянутся к одной моей очень интересной встрече с Пападжи, состоявшейся примерно в 1995 году. В его доме существовала традиция дневного чаепития. На него у меня имелось постоянное приглашение, поскольку питался я тоже в этом доме. В более ранние годы на эти мероприятия часто собирался близкий круг, и тогда с Пападжи за его обеденным столом сидело лишь совсем небольшое количество людей. Но в те времена, когда произошла эта история, сходилось уже человек до двадцати или около того, и обычно мы все сидели на полу, а Пападжи один (или с одним-двумя приглашёнными гостями) сидел за столом. Я вошёл и направился в дальний угол комнаты, где любил сидеть. Пападжи попросил меня вернуться и сесть в конце стола лицом к нему. Сесть за стол не пригласили больше никого, из-за чего я почувствовал, что происходит что-то необычное.

Пападжи в своей гостиной с Сурендой Каур (слева), её сыном Титу и Джьоти. Справа находимся Альмира и я.

Через какое-то время вошёл Прашанти, неся

несколько экземпляров книги диалогов с Пападжи «Истина есть», которую он сам составил и издал во время поездки в Соединённые Штаты. В течение многих лет все сатсанги Пападжи Прашанти записывал на магнитофон. Он отобрал те беседы, которые ему нравились, отредактировал их и издал в виде книги. Не думаю, что её формат он обсуждал с Пападжи, поскольку Пападжи сразу же выразил недовольство тем, как эта книга была издана. Причина его недовольства состояла в том, что обычно он давал ответы, отражавшие состояние умов его собеседников: по какой-либо теме кому-то одному он мог дать один ответ, но задавшему такой же вопрос кому-то другому и при других обстоятельствах он мог дать другой ответ, причём, противоречащий сказанному ранее. Он сказал, что размещение ответов по какой-либо определённой теме на одной странице без указания контекста ведёт к путанице.

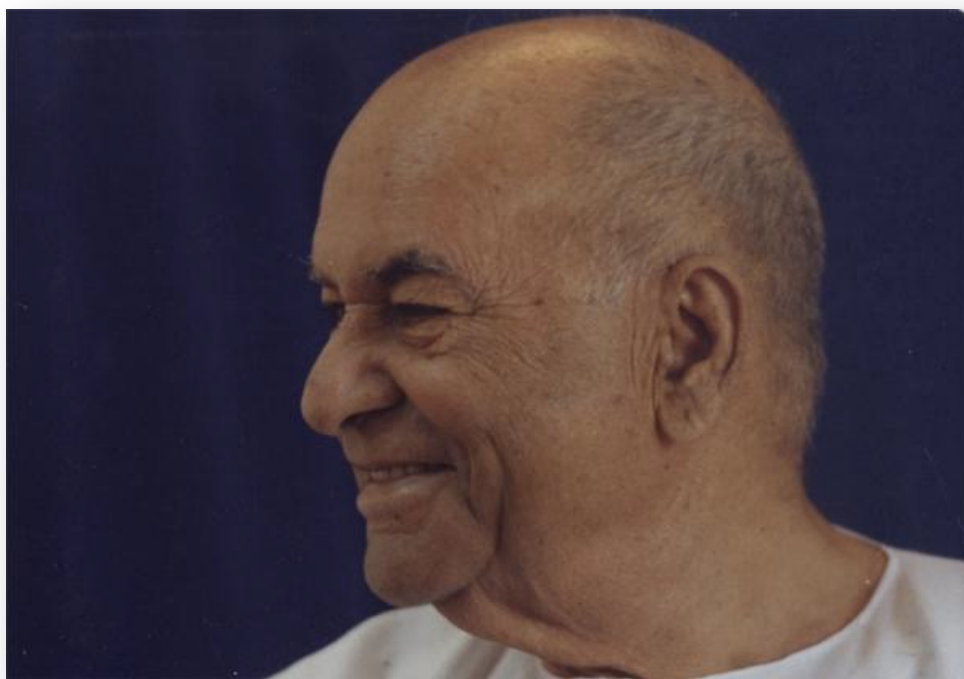
Он взял лист бумаги, всё это туда записал и добавил, что он хочет, чтобы я отредактировал эту книгу ещё раз в соответствии с его указаниями. Я почувствовал себя немного неловко. Из-за того, что во время прихода Прашанти я сидел за столом, ему могло показаться, что это я пожаловался Пападжи, который затем меня поддержал, попросив полностью переделать книгу. Когда Пападжи ушёл, я объяснил Прашанти, что сцена за столом не имела ко мне никакого отношения и что, когда Пападжи усаживал меня за свой стол, я совершенно не представлял, что должно было произойти. И в то же время мне дали работу и даже вручили письменное задание на её выполнение.

Вскоре, однако, я обнаружил, что выполнить указания Пападжи невозможно, поскольку у Прашанти не осталось записей и ссылок, в которых могла содержаться информация о том, откуда изначально был взят весь материал, вошедший в книгу. Без этой информации нельзя было вернуться к исходным диалогам и изложить их так, как хотел того Пападжи.

Я пошёл к Пападжи и объяснил, что эта крайне важная информация отсутствует, а без неё выполнить его указания я не смогу.

Несколько секунд он молчал, а затем сказал, что я должен начать работу заново, но только заниматься я буду уже новым проектом, в который войдут все диалоги, содержащие учительские наставления.

– Пусть они идут в хронологическом порядке, день за днём. Зачастую на сатсанге одни и те же темы мы обсуждаем в течение нескольких дней. Либо же каждый день приходят одни и те же люди и показывают, как в результате услышанного на сатсанге изменилось их понимание или переживание. Ничего не выйдет, если ты перемешаешь фрагменты диалогов, происходивших в разное время. Давая ответ, я даю его конкретному человеку в конкретный момент времени. И для того, чтобы этот ответ обрёл смысл, нужен контекст, которым часто является то, что происходило в ходе нашего общения в тот день или за день до этого. Нередко даже я не знаю, почему я говорю то или иное людям на сатсанге, но, если ты покажешь все диалоги, читатели лучше поймут, что каждому человеку наставления даются по каким-то своим причинам. Тебе не нужно включать все диалоги, происходившие в определённый день или в течение определённой недели. Просто выбери лучшие и дай их полностью. Они будут полезнее разобщённых фрагментов наставлений.

*Пападжи в
начале 1990-
х гг.*

Слушая его,
я вспомнил,
что однажды
он говорил
мне, что одна
из его
любимых
книг о
Бхагаване –
«День за
днём с
Бхагаваном».
В этой книге

происходящее в холле и наставления Бхагавана изложены в хронологическом порядке. Мне показалось, что он хочет получить нечто подобное.

Когда вы служите учителю и освещаете его учение, вам действительно следует учитывать его пожелания, чтобы быть уверенными, что информацию вы излагаете точно и в той форме, которая устраивает учителя. В середине 1930-х годов Рамана Махарши был привлечён к судебному разбирательству по поводу права собственности на Скандашрам. Он должен был дать показания юристам в холле Раманашрама. В ходе этого слушания один из адвокатов человека, заявлявшего, что его клиент приобрёл Скандашрам, показал Бхагавану экземпляр книги «Само-Реализация», его первой биографии, и

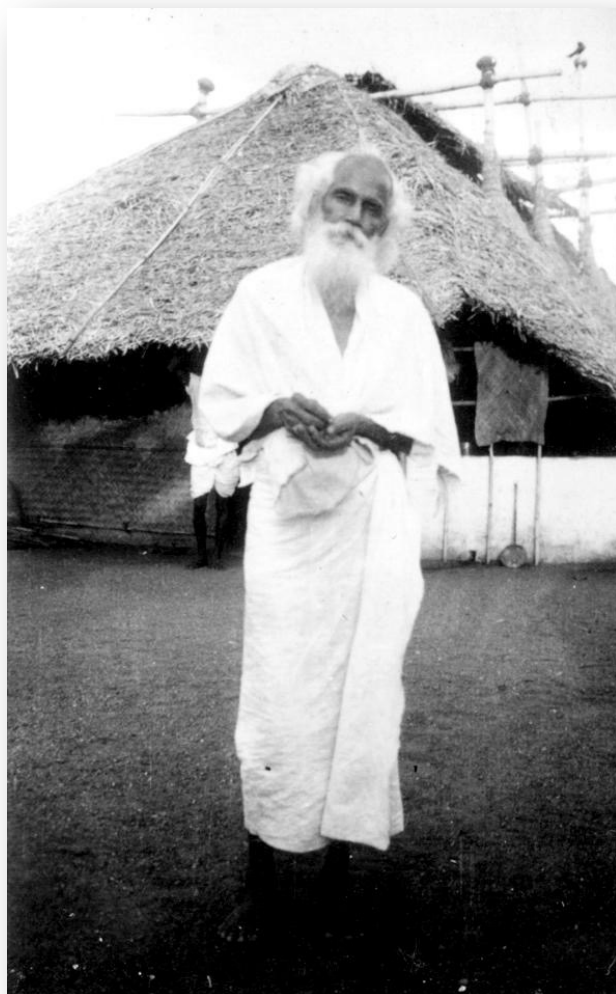
поинтересовался, читал ли он эту книгу до её публикации. Бхагаван ответил, что не читал. Затем у Бхагавана спросили, точна ли информация, изложенная в книге, и он ответил, что в ней содержатся ошибки.

Когда я прочёл о такой ситуации впервые, я счёл её казусной. Нарасимхасвами много раз беседовал с Бхагаваном и провёл большое исследование, чтобы установить события его ранних лет, и в то же время было похоже, что до отправки своей работы в печать он так и не показал её Бхагавану. Бхагаван никогда не говорил, что это были за «ошибки», а сейчас, наверное, уже слишком поздно пытаться это выяснить. Как правило, Бхагаван был рад заняться редактированием любого предложенного ему текста. Если бы Нарасимхасвами привлёк Бхагавана к редакторской работе, сейчас бы у нас имелось намного более точное и достоверное жизнеописание Бхагавана.

Б. В. Нарасимхасвами

Хотя это и может казаться очевидным, но я всегда имел собственное убеждение в том, что если кто-то пишет об учителе и этот учитель жив, то пишущий должен консультироваться с ним и интересоваться его мнением относительно того, в какой форме должно быть изложено его учение. Когда я только начал работать над проектами Пападжи, однажды в разговоре со мной он почти случайно обронил, что ему не нравится книга «Проснись и рычи» — ещё одно собрание его наставлений, увидевшее свет примерно в то же время, когда произошла наша первая встреча. Я знал, что первую часть этой книги он прочёл, а рукопись второй части осела на полке в его гостиной, пролежав там нечитанной несколько месяцев. В итоге издатели сами проявили инициативу и опубликовали вторую часть книги, даже несмотря на то, что Пападжи так её и не просмотрел. Я хотел выяснить, что же было не так с непонравившейся ему первой частью книги, чтобы не повторять её ошибок, однако столкнулся с тем, что заставить его определиться и дать прямой ответ, который помог бы мне в работе над моей книгой, оказалось в высшей степени сложно.

Наконец, однажды, даже без каких-либо вопросов с моей стороны, он повернулся ко мне и сказал:

– Эта книга, «Проснись и рычи», заставляет меня выглядеть, как американец. Во многих её местах я звучу совсем не так, как в жизни.

Это был прорыв. Пападжи рос в Британской Индии, читая и разговаривая на британском английском. И я решил, что, несмотря на то, что его книги издаются его собственным фондом в Соединённых Штатах, я буду использовать британский английский, британскую пунктуацию и британские идиомы, которые не будут звучать для него, как иностранные.

Первой работой, которую он мне поручил, было редактирование интервью, готовящихся к публикации в книге «Пападжи: Интервью». В период между 1990 и 1993 гг. Пападжи давал много больших интервью всевозможным духовным фигурам, преданным и журналистам, и все они были записаны. Большое их преимущество состояло в том, что в такого рода формальных интервью Пападжи применял другие «правила боя». На сатсанге, особенно в середине 1990-х гг., если вы задавали ему вопрос, Пападжи мог его просто проигнорировать и говорить о чём-то другом или попросить вас спеть песню. Однако во время проведения формального интервью интервьюеру разрешалось задавать любые вопросы, на которые Пападжи в свою очередь считал себя обязанным отвечать должным образом. Несколько раз я этим пользовался, прося интервьюеров задавать Пападжи специфические вопросы, ответы на которые мне хотелось получить, просто потому, что знал, что в условиях формального интервью он не будет уходить от ответов.

*Пападжи,
наставляющий в
своей гостиной в
начале 1990-х гг.*

Пападжи
отобрал интервью,
которые он хотел
видеть
опубликованными,
а работа над их
редактированием
досталась
немецкому
доктору Габи.

Меня попросили ей помогать, однако после её отъезда из Лакнау вся эта работа была передана мне.

Поначалу я с неохотой отнёсся к тому, что мне придётся слишком много возиться с его словами. Везде, где это было необходимо, я исправлял грамматические ошибки и старался, чтобы мои словестные формулировки были как можно более близкими к исходным.

Время от времени я показывал готовый материал Пападжи. Он его просматривал, оставляя иногда комментарии или внося текстовые исправления.

При этом, хотя и не было похоже, что он испытывает восторг от моих текстов, просматривал он их всё же прилежно.

В какой-то момент я понял, что я редактирую устные комментарии Пападжи, прекрасно звучащие, когда он их произносил, но далеко не такие вдохновляющие, когда они были дословно изложены в печатном виде. По какой-то причине сила его слов, ощущаемая людьми во время их слушания, не переходила к словам, написанным на бумаге. Просто в качестве эксперимента, пытаясь восстановить магию и силу устных наставлений Пападжи, несколько страниц одного из интервью я переписал своими словами. Я сохранил все его ключевые положения, исправно выдержал аргументацию и логику Пападжи, но привёл их в том виде, который, по моему мнению, в печатной форме воспринимался намного лучше. Вручив Пападжи этот содержащий новшества материал во время обеда, я ушёл с несколько тревожным чувством, отдавая себе отчёт в том, что с его исходными высказываниями я обошёлся весьма вольно.

Вернувшись около четырёх часов вечера, я обнаружил, что Пападжи уже ознакомился с новым материалом у себя в спальне. Когда я пришёл, он спал, но на его столе лежал большой арбуз с воткнутым в него маленьким флажком, на котором было написано: «Для Дэвида». Так я понял, что новый подход ему понравился.

Спустя несколько минут, он вышел, размахивая рукописью.

– Это то, что нужно, – сказал он. – Где остальное? Я хочу прочесть всю книгу.

Я должен был ответить, что книга будет готова только через некоторое время, так как теперь мне надо начать с самого начала и переписать весь материал в новом стиле. Так методом проб и ошибок я узнал, что Пападжи не хочет звучать на американский манер и желает, чтобы я переписал заново многое из сказанного им, поскольку похоже было, что он, так же, как и я, увидел, что дословные тексты его интервью в печатном виде были не такими уж впечатляющими. Выработав базовый стиль, основанный на предпочтениях Пападжи, далее я, к его удовольствию, закончил эту книгу и продолжил работу над его биографией, используя те же базовые правила. В биографии я переписал почти всё, однако, чтобы быть уверенным в том, что я не слишком перехожу границы, я всегда показывал ему сделанное и получал его одобрение. Я нашёл тот стиль подачи материала, который его устраивал, и рукопись возвращалась мне в течение нескольких дней без единого исправления.

Теперь я хотел бы рассказать ещё одну историю, свидетельствующую о том, что у Пападжи действительно имелся чёткий взгляд на то, как его учение должно быть донесено до людей, несмотря на то, что высказывался он по этому поводу редко. Несколькими абзацами выше я уже сказал, что во время формальных интервью Пападжи никогда не уклонялся от вопросов и не уходил от ответов. Те вопросы, которые при любых других обстоятельствах он мог игнорировать или переводить на другие темы, здесь встречались им открыто. Мне вспоминается случай, когда датский журналист по имени Санатан задал Пападжи вопрос о статусе всех тех людей, которые учили от его имени. В частности, он упомянул Гангаджи, Эндрю Коэна и Айзека Шапиро, желая знать, являлись ли они только посланниками или были полноправными

мастерами. Пападжи ответил, что он послал их в качестве вестников, но их эго разрослось, и сейчас они считают себя самостоятельными гуру. Какое-то время он умалчивал об этом явлении, однако в этой публичной беседе он очень ясно выразил своё неодобрение их деятельности.

В одном из своих ответов он высказался даже так: «Все они направляются в ад, и все их последователи окажутся в аду вместе с ними» (<https://youtu.be/RG-8RRHrIWk>).

Иногда Пападжи действительно был склонен преувеличивать, но даже при всём том данным утверждением, сильным и ясным, он показал, насколько серьёзно он был недоволен поведением упомянутых людей. Далее он добавил, что он направил их к другим в качестве послов, а работа посла состоит в передаче посланий от лица отправившей его вышестоящей инстанции. Это послание, сказал Пападжи, состояло в том, чтобы побуждать людей к посещению сатсанга в Лакнау. И также он заметил, что в случае, если посланник превышает свои полномочия, его начальство отзывает его назад. Пападжи никогда не пытался прямо связаться со своими посланниками с целью отменить их учительские полномочия, и вместе с тем в данном случае он ясно дал понять, что их действия его не устраивают. Кстати, это было последнее высказывание Пападжи из всех когда-либо им сделанных по поводу своих «посланников». Последнее обстоятельство, таким образом, даёт право заключить, что это было его окончательное слово по данному вопросу.

Это интервью проходило в январе 1994 года. Я тогда работал над биографией Пападжи в Сатсанг Бхаване – холле, где он давал сатсанги. После интервью ко мне подошло несколько человек с вопросом, не смогу ли я сделать его распечатки. На мой взгляд, это было хорошее интервью, в нём были затронуты и многие другие важные вопросы, такие, например, как вопрос о необходимости гуру в человеческом облике, поэтому я подготовил его редакторскую версию и отнёс её Пападжи, чтобы заручиться его одобрением.

Во время работы над биографией Пападжи в Сатсанг Бхаване примерно в 1995 году.

Я сказал ему:

– Несколько человек попросило меня размножить интервью, которое вы дали Санатану. В нём вы сделали несколько дискуссионных высказываний. Мне просто хотелось бы удостовериться, что я правильно его записал и отредактировал, прежде чем я начну раздавать копии.

Он достал ручку, прошёлся по всему интервью, не сделав ни единой пометки, и затем вернул его со словами:

– Ошибок нет.

– Значит, я могу выдать любое количество копий всем, кто захочет его прочесть? – спросил я.

– Зачем ты тратишь на это свои деньги? Сделай копии и продай их на воскресной ярмарке.

В те дни по воскресеньям в Сатсанг Бхаване проводились ярмарки, на которых уезжавшие посетители продавали свои хозяйственные вещи и вообще всё, что им было уже не нужно, вновь прибывшим, желавшим обустроиться рядом с Пападжи. Среди гостей было также несколько человек, зарабатывавших на жизнь изготовлением и продажей всевозможного товара.

Пападжи, сидящий со скрещенными ногами на полу своей гостиной. Здесь он наставлял до тех пор, пока эта комната не стала слишком мала для того большого количества людей, которое хотело его увидеть.

В следующее же воскресенье, снаряжённый

большой пачкой копий интервью, которые Пападжи велел продавать, я присоединился к другим продавцам. Одним из первых посетителей, увиденных мной на ярмарке, был Айзек Шапиро – учитель, подвергшийся критике Пападжи. Он только приехал. Я решил предупредить его заранее о том, что в своём интервью сказал о нём Пападжи.

Я подошёл к месту, где он сидел, поздоровался и сказал:

– Пападжи сказал мне прийти сюда и продавать копии одного интервью, которое он дал несколько дней назад. Я просто хочу вас предупредить, что о вас в этом интервью он высказался нелицеприятно.

– Правда? – спросил он, – Можно копию?

– Да, если вы заплатите 20 рупий, – сказал я. – Пападжи дал указание подавать их, а не раздавать.

После того, как он расплатился, я дал ему копию, показал страницу, где Пападжи критиковал всех своих посланников, и задержался, желая увидеть, какой будет его реакция.

Но он лишь рассмеялся и сказал:

– Ну разве это не здорово, когда твой мастер умеет выдавать такие шутки?

Всё выглядело так, будто эта очень открытая и публичная критика не произвела на него ни малейшего впечатления. Насколько мне известно, после

этого интервью никто из упомянутых посланников так и не поинтересовался у Пападжи, почему он так ими недоволен. Они просто продолжали свою деятельность в том же духе, что и раньше.

Таким образом, книги о Пападжи издавались не в том виде, который ему нравился или который он утверждал, его ученики объявляли себя учителями, и многие из них заявляли о своей принадлежности к духовной линии, восходящей к Рамане Махарши. В тех немногих случаях, когда он высказывался о праве учить, он говорил, что такие полномочия приходят от Я, а не от учителя из людей. И, кроме таких вот случайных выражений резко отрицательного отношения к своим посланникам, как это было в том интервью, Пападжи мало что делал, чтобы взять сложившуюся довольно анархическую ситуацию под контроль. А поскольку меня это всё никак не касалось, я оставался лишь зрителем разворачивавшегося вокруг него действия. Для себя я решил, что, раз он пригласил меня в Лакнау для работы над его биографией, я не стану отвлекаться и сделаю всё, чтобы написать и оформить её в том виде, который ему нравится. Я взял себе за правило показывать ему каждое написанное мною слово, и ничего из того, что я о нём написал, не становилось достоянием общности без его личного окончательного утверждения.

Когда я жил в Лакнау, там велись работы над ещё одним литературным проектом. Это была книга с рабочим названием «Ом Шанти», и в неё должны были войти все вступительные беседы Пападжи, которые он проводил во время сатсангов в 1991 и 1992 гг. В те годы он начинал свои сатсанги краткими дхармическими беседами. Это были мощные наставления, вдохновлявшие и приводившие в волнение многих из тех, кто их слушал, но при этом, однако, страдавшие обычным недостатком – на бумаге они выглядели несколько пресновато. Некоторые люди, читая их в распечатанном виде, просто не могли поверить, что то, что они прочли, было тем же, что говорил на сатсанге Пападжи. Как они ни старались, они не могли ощутить прежнюю силу этих слов, читая их с бумажного листа. Я делился с редакторами некоторые своими соображениями, но так и не был полноценно задействован в этой работе, пока Пападжи не обронил ненароком, что он хочет, чтобы я занялся и этим проектом. К тому времени свои варианты книги подготовило уже несколько человек, однако ни один из них не казался достойным публикации. Некоторые из этих вариантов предлагались к прочтению Пападжи, но вместо того, чтобы прочесть рукопись самому, он просил читать её других и после этого делиться своим мнением. Ни одна из предложенных версий не встретила ни единого поклонника. У меня возникло ясное ощущение, что этот проект либо мало его интересовал, либо не интересовал вовсе, несмотря на весь энтузиазм задействованных в нём людей. И также я не думаю, что он вообще когда-либо кого-либо просил им заниматься. Просто группа преданных проявила инициативу и самостоятельно взялась за эту работу, считая, что такой материал мог бы стать хорошей книгой.

Моё чувство, что Пападжи в действительности не испытывал большого интереса к этой книге, подтвердилось, когда я наконец его спросил, что я должен делать с рукописью, каким-то образом перешедшей в конечном итоге под мою ответственность.

Когда я сказал ему, что, на мой взгляд, переделать её уже нельзя и мне придётся начать всё с самого начала, если он действительно хочет издать хорошую книгу, он просто ответил:

– Нам не нужна эта книга. Можешь свернуть этот проект.

Это позволило мне сосредоточиться на других писательских проектах, в большей степени интересовавших меня и воодушевлявших Пападжи.

Я хотел бы вернуться к книге диалогов, которую Пападжи просил меня составить. Когда он просил меня над ней поработать, он не сказал оставить всё остальное и уделять внимание только ей. Думаю, что он хотел, чтобы я подготовил эту книгу, когда у меня будет время заняться ею как следует. Биография Пападжи, которую я писал («Ничто никогда не случилось»), становилась всё объёмнее и объёмнее и отнимала у меня всё больше и больше времени. Изначально я предполагал, что это будет однотомник в 400 страниц, однако в итоге получился трёхтомник, в окончательном варианте насчитывающий более 1200 страниц. Причём, завершающие главы я забрал у Пападжи проверенными и утверждёнными всего за несколько недель до его кончины. Поработать над книгой его бесед мне не выпадало возможности вплоть до моего возвращения в Тируваннамалай.

Я обратился к моему другу Аруне, посещавшей сатсанги Пападжи в Лакнау, с просьбой помочь мне с подготовкой транскриптов некоторых бесед, проходивших там в 1991 году – в то время, когда Пападжи был ещё относительно неизвестен. В те дни сатсанги проходили в его гостиной в Индира Нагаре. Обычно там собиралось около двадцати человек. В более поздние годы уже до двухсот и более человек набивалось в другое, арендованное, помещение, где Пападжи давал сатсанги, когда его собственный дом стал слишком мал для ежегодно стекавшихся к нему толпами тех, кто желал его увидеть. Я выбрал ряд сатсангов, проходивших в течение отдельно взятого шестинедельного периода летом 1991 года.

Я с Аруной примерно в 2003-м году. Позже Аруна самостоятельно освоила все навыки, необходимые для работы профессиональным графическим дизайнером. Имея специальность наборщика текста, она сделала вёрстку книги «Пламя свободы» и разработала дизайн обложек нескольких других моих книг. Сейчас она живёт в Тируваннамалае.

В тот период своей жизни Пападжи категорически требовал от всех, кто приходил его увидеть, смотреть внутрь и обнаружить источник их «я». Иногда это приводило к тому, что между ним и сидящим перед ним человеком возникала бурная дискуссия, поскольку посетители один за другим принимались делать попытки воплотить слова Пападжи в жизнь и получить собственные прямые переживания. Именно такой была установка Пападжи на протяжении большей части его учительской деятельности. Он не давал людям предписаний, получив которые они могли его оставить и практиковать удалённо. Он хотел, чтобы люди сидели перед ним и искали основу их собственного истинного Я, в то время как он мягко побуждал их проводить исследование, одновременно передавая им свою силу, часто заставлявшую людей оставлять их умственные представления и вместо этого переживать на опыте то, что находится за пределами ума. То была эпоха атмосферы опьянения, царившей вокруг Пападжи. Опыты пробуждения в его присутствии случались почти ежедневно, а в посетителях чувствовалось сильное желание, – каждый из них хотел стать следующим в получении прямого опыта того, на что указывал Пападжи.

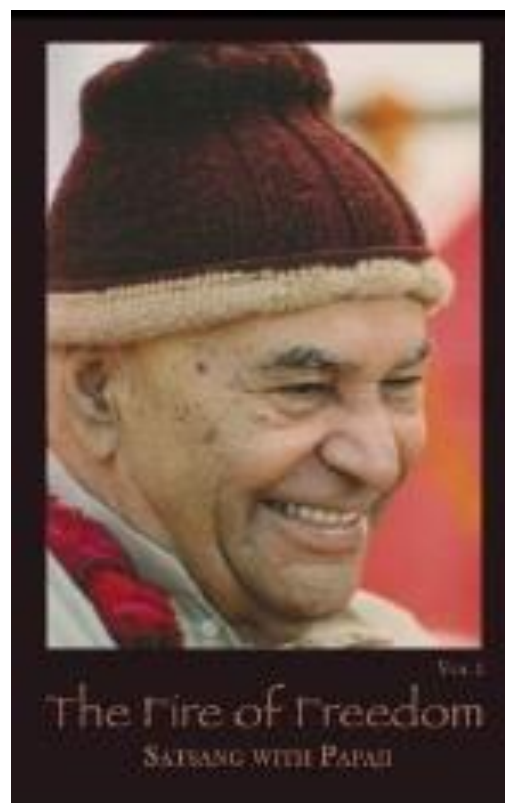
Я назвал эту книгу «Пламя свободы». Пападжи говорил, что свобода достигается только теми, кто желает её не просто более всего, но даже вместо всего. Он приводил пример человека, одежда которого горит, а сам он бежит к реке, чтобы прыгнуть в воду и погасить огонь.

Книга «Пламя свободы»

Он говорил: «Вы бежите к реке в горящей одежде. И ваша цель одна: как можно скорее добраться до воды. Если по дороге вы встретите друга, зовущего вас к себе на чашку кофе, вы примете приглашение или побежите дальше?»

Он хотел, чтобы люди горели жаждой свободы, чтобы они желали лишь её одну и ничего больше. Когда ничто не обладает силой, способной вас отвлечь, вы мчитесь к Я и погружаетесь в него. Следующая история, которую, на мой взгляд, Пападжи придумал, чтобы доходчиво донести своё видение, взята из книги «Пламя свободы». Эта замысловатая притча иллюстрирует его основной тезис:

Все *дживы* (отдельные личности) идут домой, к Я, но, считая себя реально существующими, они забывают о том, что они направляются домой, и отвлекаются на что-то другое.

Некогда жил бездетный король. Чувствуя приближение старости и не имея наследника, он решил назначить того, кто будет править королевством после его смерти.

Он подумал так: «Если королевство останется без законного наследника короны, то после моей смерти его постигнет множество бед».

Позвав одного из своих стражников, он велел ему объявить людям, что завтра по приказу короля с шести часов утра до шести часов вечера дворцовые ворота будут открыты, и все жители королевства смогут прийти на собеседование о получении работы следующего правителя. В приёме не будет отказано никому.

На следующее утро толпы людей собрались у дворцовых ворот, и каждый, будь то мужчина или женщина, надеялся стать следующим правителем. Дворцовая стража и придворные приветствовали их.

Один из придворных обратился к пришедшим с такими словами: «Вы идёте на встречу с королём и хотите быть принятыми. Когда это случится, вам нужно выглядеть достойно. Но посмотрите на себя! На некоторых из вас просто лохмотья. Мы всех приведём в порядок, дадим принять хорошую ванну, накормим, дадим красивую новую одежду, а уж затем вы сможете предстать перед королём. Следуйте за нами».

Людей привели во дворец и обеспечили всем, что любил сам король. И лишь в этот единственный день каждый посетитель обошёл весь дворец, что означало, что он мог брать всё и пользоваться всем, что бы он ни пожелал. Кто любил духи, набирали себе флаконов с духами, любители нарядов запасались всевозможными предметами одежды. Другие роскошествовали в королевской ванной, лакомились королевской едой и наслаждались представлением, устроенным для них королевскими певцами и танцорами. Это продолжалось весь день, и все забыли, для чего они пришли во дворец. Король всё дожидался их в своём тронном зале, но никто так и не пришёл, поскольку все кандидаты были слишком заняты своим собственным наслаждением королевской роскошью. И в конце дня, в шесть часов вечера, видя, что никто не явился с претензией на трон и королевство, король отменил своё предложение, а людям велел разойтись по домам.

Приди кто-нибудь из них к королю немедленно, не переключаясь ни на что другое, все эти богатства остались бы с ним или с ней навсегда, а не на всего лишь несколько часов. Однако цель, с которой люди пришли во дворец, была ими всеми забыта.

То же происходит и с *дживами*. Трон царства свободы ждёт каждого, кто пожелает прийти и заявить на него своё право, однако все *дживы* увлекаются получением удовольствий и накоплением имущества. Когда

их жизнь заканчивается, они умирают, а затем рождаются снова, и продолжают наслаждаться и страдать.

Вы проявляете такой огромный интерес к вашим привязанностям и желаниям, что забываете, зачем вы родились. Вы забываете, что пришли сюда ради освобождения. Что, в сущности, хорошего вам могут принести все эти желания, привязанности и собственность? Что унесёте вы с собой, покидая этот мир? Ничего.

Александр Македонский покорил весь известный в те времена мир. Пока он был жив, все богатства и земли принадлежали ему, но, когда он умер, он остался ни с чем. И он знал о таком исходе. Перед смертью он распорядился так: «Положа меня в гроб, сделайте так, чтобы были видны мои руки. Тогда всем станет ясно, что я ухожу с пустыми руками».

Используйте этот отрезок времени наилучшим образом, это принадлежащее вам время, когда вы можете смотреть на своё собственное Я, а не на объекты своих желаний. Этот миг может не вернуться больше никогда. Если вы начнёте откладывать, потому что вам хочется ухватить ещё хоть немного удовольствия перед тем, как вы отправитесь к трону вашего Я, вы погибнете, вы будете сметены. И другой возможности не представится. Вы можете увидеть ваше собственное истинное лицо только в эту минуту, а не в следующую или последнюю. Вы должны сделать это сейчас, а не позднее. Именно в данную минуту вы должны целиком отдаться вашему собственному Я.

Чтобы это сделать, вам не нужно учиться, не нужно практиковать и уходить в Гималаи. Вполне достаточно лишь данного мгновения, здесь и сейчас. Обратите свой взор внутрь, и вы его увидите. Не упускайте этот миг. Он очень ценен. Я не хочу отбивать у вас охоту. На самом деле, я поздравляю вас с тем, что вы здесь. В мире живёт шесть миллиардов человек, и только двадцать из них пришло сегодня сюда со словами: «Я хочу свободу. Я хочу сидеть на троне свободы». Bravo! Всё, что я от вас прошу – не откладывайте. Вы откладывали всю свою жизнь: «Я сделаю это сегодня, но только попозже, или завтра, или на следующей неделе, в следующем году» и так далее.

Отлагательство – это ум. Ум – это прошлое. Ум – это проявленное. Проявленное – это *сансара*. А *сансара* – это страдание. Вы должны сделать выбор и определиться, чего вы хотите, и сделать выбор вы должны именно в эту минуту, а не позднее. Прямо в это мгновение посмотрите на своё собственное Я. Если вы позволите этому мгновению ускользнуть, оно станет прошлым. Не позволяйте ему ускользать...

Вы наслаждаетесь, едите и танцуете. Чья это вина? Свобода ждёт вас с распростёртыми объятьями, но вы не обращаете внимания на эти любящие объятия, в которые она хочет вас заключить. Вы увлечены

другим. Чего вы не понимаете, так это того, что, ища счастья от всех этих объектов наслаждения, в действительности вы ищете счастья своего собственного Я. Просто ваш поиск происходит в ошибочном направлении. Вы все ищете счастья, но вы никогда его не найдёте, поскольку вы все ищете в неправильном месте. Если вы найдёте правильное место для поиска, вы, наконец, его получите. Данный миг и есть та самая минута, когда вы оставляете все удовольствия королевских покоев и идёте прямо в тронный зал на встречу с королём. Как много времени вам потребуется, чтобы это сделать? Сколько времени вы потратите на то, чтобы отвернуться от всех этих удовольствий и принять приглашение короля? В этой истории дворцовые ворота оставались открытыми в течение двенадцати часов – с шести утра до шести вечера. Вы же располагаете восьмьюдесятью годами своей жизни. Вы можете наслаждаться этой жизнью, но помните, что самое главное, что вам следует сделать в этом рождении, – это прибежать в королевский тронный зал и взять приз. Не откладывайте. Не думайте, что у вас есть время, чтобы сделать это позже. Сделайте это своим главным приоритетом. Откажитесь от преходящих удовольствий и бегите внутрь на встречу со своим внутренним королём. Сделав это, вы получите всё королевство.

Изначально я планировал издать несколько томов книги «Пламя свободы», принимая во внимание большое количество материала, которого хватило бы ещё на несколько книг. Когда-нибудь, когда у меня будет время, я надеюсь вернуться к этой серии.

Работая над этой книгой в Тируваннамалае, параллельно я приступил к ещё одному долгосрочному проекту – подготовке нового английского перевода книги «Гуру Вачака Ковай». Роберт Батлер, Венкатасубраманьян и я перешли к этому проекту, завершив работу над книгой «Падамалай».

*Мы с Робертом
работаем у меня дома
несколько лет назад.*

С моей точки зрения, «Гуру Вачака Ковай» является самым полным и самым достоверным собранием устных наставлений Бхагавана. Однако, поскольку это утверждение может показаться слишком смелым, я чувствую,

что я должен пояснить, почему я пришёл к такому заключению.

В 1920-х и 1930-х гг. Муруганар, составитель «Гуру Вачака Ковай», записывал учительские наставления, высказываемые Бхагаваном, в виде четверостиший. Записывая их, он в тот же день показывал их Бхагавану. Бхагаван либо сразу их утверждал, либо давал рекомендации о том, что следует сделать, чтобы они передавали суть точнее. Познания Бхагавана в тамильском искусстве стихосложения были почти такими же глубокими, как и у Муруганара, поэтому он часто давал советы по улучшению как стиля, так и содержания стихотворений.

Муруганар сидит напротив Бхагавана, 1949 г.

Несмотря на то, что при своём складе ума Муруганар мог сочинять, почти спонтанно, стихи на тамильском, описывавшие любой аспект учения Бхагавана, поэт не обладал таким типом интеллекта, который позволял бы ему придавать полученному собранию наставлений упорядоченный вид. Когда было записано около 800 таких стихотворений, Бхагаван передал их Садху Натанананде с просьбой распределить и представить их тематически, чтобы затем издать этот материал в книжной форме. При жизни Бхагавана все литературные труды Муруганара издавались Раманападанандой – преданным Бхагавана, сделавшим

делом своей жизни сбор средств на издание поэзии Муруганара. Он путешествовал по стране, проводя публичные чтения поэзии Муруганара и побуждая своих слушателей делать пожертвования на будущие публикации. Однажды ради сбора средств на свои издательские проекты он даже предпринял тур по Юго-Восточной Азии.

*Раманападананда стоит рядом с
Муруганаром, 1930 г.*

Садху Натанананда отправил скомпонованные им стихи Муруганара Раманападананде, который затем изготовил сигнальный экземпляр книги, чтобы её мог прочесть и проверить Бхагаван. И вот тут-то и начинается самое интересное в этой истории. Бхагаван очень тщательно просмотрел весь текст, внёс исправления в одни стихи, изменил последовательность других для придания большей связности

рассуждению и добавил несколько собственных стихов. После того, как он выполнил свою редакторскую работу, среди восьмисот стихов Муруганара оказались двадцать четыре стихотворения Бхагавана. Этот сигнальный экземпляр, просмотренный Бхагаваном, хранится в архивах Шри Раманашрама, что даёт нам возможность увидеть, что написал Муруганар, как скомпоновал стихи Садху Натанананда, и как по-своему отредактировал и упорядочил материал Бхагаван. Вот, к примеру, одно из сочинённых Бхагаваном дополнительных стихотворений. Стрелочкой указано, в каком месте текста он хотел его видеть.

சச. கன்மரகசியத்திறன்

481. கன்மமியற் றத்தொடங்குங் கத்தனா னொரன்னத்
தன்மெயறி வேகன்ம தத்துவமாம்—கன்மமுதல்
ஆந்தன்னை யாய்ந்தறிந்தற் றுலன்றிக் கன்மமுடி
வார்த்தவுப சாந்த மரிது. 2

(6)

வினயம் விழி விவேகம்த் துண
கிளையவயல் தன்னுயர் துண-வினயத்தி
யோடமுன் வாய்த்துந் திந்தியவ பென்றுதிரு
குமரன் பெயுள்ள யல் (உதவன்) க

В этом новом стихотворении Бхагавана говорится о следующем:

Простое исследование «Кто тот, кто переживает эту карму, эту разобщённость [вибхакти], эту разъединённость [вийога] и это невежество?» является [путём] кармы, бхакти, йоги и джняны. Ибо, когда, вследствие исследования, «я» исчезает, всё это [карма и так далее] [познаётся] как нечто полностью лишённое существования. Лишь пребывание в Я есть реальное состояние.

В дополнение к редакторским правкам текстов самих наставлений, Бхагаван внёс также существенные изменения во вступительное слово и вступительные стихи, отразившие его глубокое уважение к Муруганару и его высокую оценку созданного им труда. Стих, который завершает серию вступительных стихотворений, изначально был написан неизвестным почитателем Муруганара, который восхвалял и его самого, и его усилия, приложенные к записи наставлений, вошедших в «Гуру Вачака Ковай». Вот что он написал:

Удерживая в своём сердце как высшую истину стопы великого Раманы, Бога, принявшего форму Гуру, [Муруганар выявил] сладостную истину всех вещей. Заявляю, что имя его – Мугавай Канна Муруган из линии Бхарадваджа.

Мугавай – это ещё одно название Раманатапурама, родного города Муруганара, а Канна – тамильский вариант имени Кришна, которым звали отца Муруганара. Увидев эти строки, Бхагаван вычеркнул почти все авторские слова и заменил их своими стихами:

Он, который [записал и] собрал в гирлянду несколько наставлений Гуру, объявив это выдающееся писание миру, есть Канна Муруган, видящий

своим глазом милости, что сутью всех вещей являются лишь великие стопы его Господа.

நீ. ஆக்கியோன்

7. ^{வா. ந. சித்திலபோர் கோளவயாக் கோத்தம்}
~~குருழர்த்த ஊன குலரமணன் றுளே~~
^{ம் பதர்ந்தின்}
~~பரமார்த்த மாகவுளம் பந்நிச்—சருவார்த்த~~
^{மல். வாண்டான் வர்கழலே யாதவடி}
~~வண்ணம்தாம் பாரத்து வாசமத பானமுகவைக~~
^{பென்ற கரந்த கண்ணமூடு கன்.}
~~கண்ணமுரு கப்போக கழல்~~

Слово, которое переведено здесь как «выдающееся писание» (*парамарттам*), может быть также переведено как «Высшая Истина», «Величайшее сокровище» или же «Сокровище *джняны*». Какую бы фразу вы ни выбрали, она будет представлять собой высшую похвалу, которой Бхагаван удостоил данное собрание наставлений. И также стоит отметить, что заключительной частью этого стиха – «Муруган, видящий своим глазом милости, что сутью всех вещей являются лишь великие стопы его Господа» – Бхагаван подтверждает, что Муруганар переживает опыт видения всего как Я.

Ещё более значимые правки Бхагаван сделал во вступительном слове, написанном редактором и составителем Садху Натананандой. Ближе к концу своей вступительной статьи Натанананда написал следующую фразу:

சருங்கக்கூறின், ஸ்ரீரமண சித்தார்த்தத்தையும் அதன்
சொருபத்தையும் இயல்வடிவிலே விரிவாக விளக்கப்
போந்த நூல் இது எனலாம்.

Эту фразу можно перевести так:

Таким образом, можно сказать, что этот труд увидел свет, чтобы объяснить в мельчайших подробностях и безупречной форме философию Шри Раманы и её сущностную природу [*сварупу*].

Обратите внимание на последнюю строку, куда Бхагаван позднее добавил один дополнительный слог. Он добавил суффикс «эй» после слова «*иду*»,

которое само по себе означает «это». Такое добавление привело к значительному изменению смысла этого предложения.

Добавление этого суффикса может дать два значения, которые грубо можно перевести как «это определённо» и «только это». Иногда оба эти значения могут приводиться одновременно. Бхагаван имел в виду одно из двух:

(a) ... только этот труд увидел свет, чтобы объяснить в мельчайших подробностях...

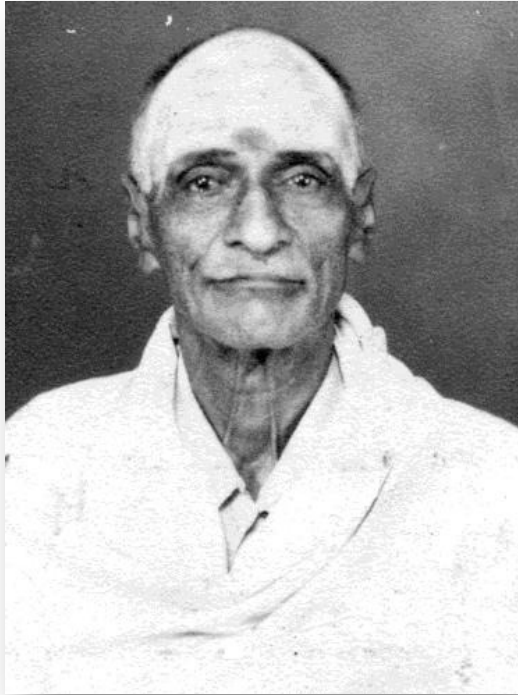
(b) ... нет сомнений, что этот труд увидел свет, чтобы объяснить в мельчайших подробностях...

Или же могут быть использованы оба значения. Однако, на каком бы варианте вы ни остановились, редакторская вставка Бхагавана в этом месте говорит о его чрезвычайном и однозначном одобрении этого собрания сочинений.

Существует несколько объёмных книг, содержащих беседы Бхагавана с его гостями и преданными: «День за днём с Бхагаваном», «Беседы со Шри Раманой Махарши» и «Письма из Шри Раманашрама», – это из того, что приходит на ум. Практически ничего из представленного в этих книгах материала Бхагаван никогда не видел и не проверял. Некоторые из менее объёмных книг с беседами, такие как «Духовные наставления» или «Евангелие Махарши», Бхагаван просмотрел и проверил, однако ни одна из них не является такой исчерпывающей, как наставления, собранные в книге «Гуру Вачака Ковай».

Роль Бхагавана в проверке и редактировании «Гуру Вачака Ковай» была главной причиной, по которой я занялся этим проектом, чтобы издать новый аутентичный английский перевод этой книги. Раньше уже издавались другие её варианты, однако местами они либо представляли собой пересказ, либо были неполными по содержанию, и ни один из них не включал в себя все комментарии и пояснения Муруганара. Мы также использовали принадлежащие Муруганару тексты его стихов, изложенных в прозе, его заметки, дополнительные стихотворения из работы «Анубхути Венба», содержащей разъяснения по некоторым стихам, и, кроме этого, мы добавили большое количество цитат из других книг о Рамане, которые дополняли или подробнее освещали наставления, изложенные в исходных стихах книги.

Венкатасубраманиян, Роберт и я четыре года (2004-2008 гг.) переводили и редактировали наш вариант текста. Несколько благодарных преданных сделали финансовые пожертвования, чтобы субсидировать печать, позволив нам издать книгу в твёрдом переплёте объёмом в 650 страниц, которая в Индии продавалась за 150 рупий (2,50 доллара).

Раманападананда

Я должен также заметить, что складывается впечатление, что работы Муруганара привлекают покровителей. Я уже рассказывал о Раманападананде, совершавшем туры ради привлечения финансовых средств, что должно было позволить ему продолжать с изданием книг Муруганара при жизни Бхагавана. Также я рассказывал о том, как профессор Сваминатан добился выделения гранта от центрального правительства в Нью Дели, что дало возможность местному Рамана Центру издать девять томов «Шри Раманы Джняны Бодхам» по цене 10 рупий (16 американских центов) за экземпляр. В прошлом году ко мне обратилась группа людей из Андхра-Прадеша, желавшая издать наш перевод «Гуру Вачака Ковай» на телугу. Они даже не хотели брать с людей деньги за эту книгу. Они просто роздали все экземпляры преданным и Рамана-центрам этого штата.

Когда Муруганар впервые пришёл к Бхагавану в 1923 году, он в первую очередь хотел найти Гуру, который мог бы дать ему освобождение. И также он искал отношений, которые возникают между Гуру и учеником, и хотел, чтобы они были похожи на отношения Маниккавачагара (тамильского поэта-святого, жившего более тысячи лет назад) и Шивы, воплотившегося в человека, чтобы стать его Гуру. На то, что он искал подобных отношений, намекали стихи, написанные Муруганаром в Храме Аруначалешвара, когда он шёл на свою первую встречу с Бхагаваном.

Придя во второй раз по прошествии двух недель, он написал поэму, взяв за образец одно из наиболее известных поэтических сочинений Маниккавачагара, и показал её Бхагавану. Она была даже озаглавлена так же, как её прототип: «Тирувембавай».

Бхагаван почувствовал внутреннее желание Муруганара быть поэтом, горящим любовью к своему Гуру и сочиняющим экстатические произведения, воздающие ему хвалу. Садху Ом описал то, как Бхагаван дал Муруганару своё разрешение продолжать действовать в том же духе:

Он [Муруганар] однажды сочинил свой «Тирувембавай», начав его словами «Аннамай Раманан». Видя, что поэтический текст этой песни отличается многими высокими характеристиками, походившими на характерные особенности «Тирувачакама» Маниккавачагара, Шри Бхагаван шутливо поинтересовался: «А можешь ли ты спеть, как Маниккавачагар?» И хотя Шри Муруганар отнёсся к этим словам, как к

божественному наказу своего Гуру, он взмолился к нему со словами: «Где божественное переживание истинной *джняны* [истинного знания] Маниккавачагара и где моё состояние *аджняны* [неведения]? Только если Бхагаван милостью своей устранил мою *аджняну*, станет для меня возможным петь, как Маниккавачагар; а с простым талантом этого эго как можно петь, подобно ему?»

Несмотря на свои сомнения, Муруганар принял это поручение Бхагавана и приступил к сочинению произведения «Шри Рамана Саннидхи Мурай», образцом для которого стал классический религиозный текст Маниккавачагара. Я думаю, что над этим трудом он работал с перерывами, находя для него время между работой над другими проектами, поскольку начал он его за девять лет до публикации в 1933 году его первого издания, но даже и тогда он был далёк от завершения. Текст «Тирувачакам» Маниккавачагара начинается со вступительной поэмы «Шива Пуранам», возносящей восторженные похвалы и благодарности Шиве. В первом издании «Шри Рамана Саннидхи Мурай» подобная вводная часть отсутствовала. Муруганар решил, что следующая книга должна появиться с таким вступлением. В присутствии Бхагавана он начал сочинять поэму, очень близкую по своим особенностям к «Шива Пуранам». Сидя однажды в Старом Холле напротив Бхагавана, до того, как он сделал перерыв, ему удалось сочинить более 200 строк. Прерваться же он захотел, чтобы какое-то время подумать, что он напишет дальше, и, кроме этого, ему хотелось поразмыслить над подходящим названием. Поэма, служившая ему образцом, потому называлась «Шива Пуранам», что в ней превозносился и прославлялся Шива. И, поскольку Муруганар видел Бхагавана как Шиву, принявшего человеческий облик, он подумал, что для новой поэмы он может взять название оригинала. Однако также он подумывал и над тем, чтобы изменить его на «Рамана Пуранам». К слову сказать, «пуранам» можно перевести как «история» или «древнее сказание».

По возвращении в холл несколько часов спустя, он обнаружил, что эта идея уплыла из его рук. Бхагаван взял рукопись и на каждой странице сверху написал: «Рамана Пуранам». Вопрос названия был решён, однако Бхагаван на этом не остановился. Пока Муруганар отсутствовал, Бхагаван взял его карандаш и закончил работу, добавив к поэме ещё 300 строк. И, несмотря на то, что это объёмное дополнение является самым большим поэтическим произведением из всех, когда-либо написанных Бхагаваном, роль Бхагавана в завершении этой работы не получила широкой известности, а сочинённая им часть поэмы так и не попала в «Собрание сочинений».

В ходе подготовки поэмы к публикации, Бхагавану дали сигнальный экземпляр для чтения и утверждения. Муруганар написал примечание, объяснявшее, какую часть произведения сочинил он и какие строки были добавлены Бхагаваном.

Увидев это примечание, Бхагаван повернулся к Муруганару и заметил:

– Разве только я один – автор тех трёхсот строк?

Муруганар понял, что, когда он сидел в холле перед Бхагаваном, Бхагаван каким-то образом направлял в его сторону некую силу, или милость, что позволило ему закончить первую часть вступительной поэмы. И он убрал

примечание. В последующие годы Муруганар отказывался кому-либо рассказывать, какие строки написал он, а какие Бхагаван. Даже Садху Ом, его литературный душеприказчик, не мог добиться от него ответа. Когда бы Муруганару ни задали этот вопрос, он уходил от прямого ответа, говоря так: «Всё сочинил Бхагаван».

Более подробно я остановился на этой истории по той причине, что Венкатасубраманиян решил, что мы должны издать английский перевод поэмы «Рамана Пуранам». Мы пригласили присоединиться к нам Роберта Батлера и поручили ему написать предварительную версию перевода. Мы все согласились в том, что, в то время как способности Венкатасубраманияна к философской и литературной точности делали его идеальным специалистом для выполнения первоначальных работ по таким текстам, как «Падамалай» и «Гуру Вачака Ковай», талант Роберта к работе с религиозной поэзией был нам необходим для передачи всего великолепия «Рамана Пуранам».

Черновые варианты, как всегда, многократно курсировали то туда, то сюда, пока все из нас не были удовлетворены и мы не сошлись на том, что работа выполнена должным образом.

По стилю это произведение отличается от всего остального, написанного Бхагаваном. Муруганар начал работу над поэмой «Рамана Пуранам» с подражания подобному ей сочинению, созданному более тысячи лет назад. Когда к работе подключился Бхагаван, он придерживался того же, в определённой степени архаического, стиля. В «своей» части поэмы Муруганар обращался к Бхагавану, прославляя его и выражая ему благодарность. Когда к работе присоединился Бхагаван, он как бы перехватил «голос» Муруганара и продолжил восхвалять Бхагавана (то есть себя) в том же стиле, что и Муруганар. Вот, к примеру, фрагмент текста (строки 233-254), сочинённого Бхагаваном. В нём он берёт на себя роль Муруганара и благодарит Бхагавана за дарованную ему милость:

Незримо ты покоился во мне
подобно маслу в семени сезама,
так что присутствие твоё внутри
распознавать мне было не по силам.
То пеленой, известно о которой,
что имя ей – неведение, была
покрыта истина, таящаяся в сердце,
погружена во тьму, – причина в ней
того, что ум вовне мой обратился.
Поддавшись силе, что творит многообразье,
обманывает, представляет мир
как чувственных пять видов восприятий,
мой ум, сочтя их «чем-то» [объективно],
был с толку сбит и принял [воспринять]
за нечто выгодное, добиваясь их.

Тот поиск выгод перерос в желанье,
став семенем, собою породившим
рождений нескончаемых преемство,
что привело в дальнейшем к появлению
огромного злокозненного древа –
иллюзии рождения [и смерти].

Древесной птицею в забывчивости став,
я в злых и добрых путался поступках умом.
Вокруг в смущеньи озираясь,
я сладкие и горькие плоды от древа
тщетно, но упорно поглощал,
переживая вновь и непрерывно
течение наслаждений и страданий.

Когда ж меня настигло омерзенье,
лишив последней ясности ума,
владыка, царь, тот, в ком вся жизнь моя
сосредоточена, явив благою милость,
которая суть истина, свободный
от чувств и торжества и отвращения,
предстал мне несравненным мудрецом
в [Тируваннамалае], Арунае,
дабы я вырван был из смерти лап,
презренный пёс, и, полный сострадания
свой взор направив на меня, открыл
свои святыя лотосные стопы
мне он и до краёв меня заполнил
обильным, нескончаемым потоком
божественного бытия-сознания амброзии,
после чего мой ум
стал неподвижен.

Поэма «Шива Пуранам», служившая образцом, представляла собой экстатическое излияние восхвалений и благодарностей. Муруганар следовал этому стилю в первых частях «Раманы Пуранам». Когда к работе над поэмой приступил Бхагаван, он позволил себе свободу тематически её расширить, включив в неё учительские наставления. Например, здесь (строки 343-350) Муруганар у него объясняет, как идея «я есть тело» скрывает реально присутствующее осознание Я:

Сокровище, реальность, что сияет
как свет Я, Атмана, лучистый, заслонило
и замутило эго, мысль «я – тело», –
она изводит, истязает *джив*,

творя ограничения, в которых
свои бесщётные чрезмерные желанья
никак им утолить не удаётся, –
так скудностью она их наполняет –
неведением рабским и никчёмным.
Но ты, источник моего существования,
сверкаешь в моём Сердце совершенной
сокровищницей с благом, запредельным
трём сущностям первичным, так что я,
твой преданный, – я восстаю, блистая,
весельем упиваясь, ибо я
освобождён навеки от бесчестья.

Стоит отметить, что Бхагавана вполне устраивало то, что Муруганар обнаруживал тот факт, что он реализовал Я благодаря его, Бхагавана, милости. Несмотря на то, что Бхагаван этого никогда публично не подтверждал, ему доставляло удовольствие, выдавая себя за Муруганара, сочинять стихи, в которых он весьма недвусмысленно сообщал, что всё было именно так. И также он любил, когда эти стихи читались вслух в холле, где он жил. Когда вышло первое издание труда «Шри Рамана Саннидхи Мурай», Бхагаван организовал его коллективные чтения в своём присутствии. Преданные по очереди зачитывали стихи Муруганара, во многих из которых он благодарил Шри Раману за осуществление своего освобождения. Бхагаван тоже присоединялся к чтению, тем самым ясно давая понять, что он поддерживает проявления чувств, описанные в поэме.

Ранее я уже говорил о том, что Роберт Батлер отдельно перевёл и издал ещё одну книгу религиозной поэзии Муруганара под названием «Шри Гуру Рамана Прасадам». В этом проекте я участия не принимал, если не считать то, что я организовал печать этой книги в Пондишери. В приведенных ниже нескольких стихах, взятых из этого труда, Муруганар восторженно превозносит наделённый великой силой «взгляд» Бхагавана, который вызвал его освобождение:

50. То был взгляд бесподобного Учителя, показавший вечно сияющее существование – Я-природу внутри моего сердца – как моё собственное переживание, благодаря чему я пробудился к осознанности, намного более широкой, чем обычное состояние бодрствования, – к *джняне*, в которой обман, вызванный обособленным сознанием ума, уничтожается совершенно.

51. Когда темница душевного рабства рухнула и исчезла, я стал его слугой, наслаждаясь радостной жизнью в распахнутых небесах его божественной милости. Сверкающим мечом своего взора мой Учитель разрубил путы, сжимавшие моё сознание до границ физического тела, и более они не возникли.

52. Когда мой гуру, всевышний Господь, меткою стрелою своего взора *джняны*, рассёк узел, связывавший мои тело и сознание, и ум мой, преображённый в райские небеса его милости, стал чистым и сияющим, завеса лжи, которая суть горечь мирских оков, пропала, а истиной, которую затем я узрел, было моё собственное Я.

53. Отделив от неживого, которое есть спутанный блуждающий ум, слившееся с ним сознание, пронзающий и дарующий милость взор великого сокровища, гуру Раманы, проявился во мне как пространство милости, дивная *мауна*, и так несчастьем рождения, вызванному забыванием Я, был положен конец.

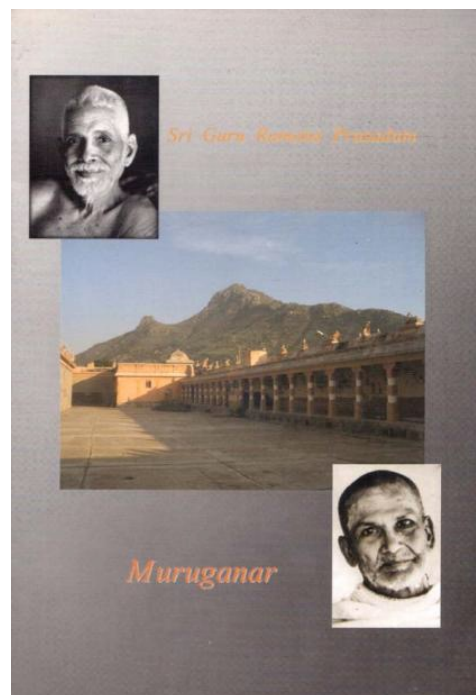
54. Смирив меня и взяв под свой контроль, он притянул к себе моё сознание неотразимым магнитом своей милости. Исходящий из бездонных глубин его *мауны* милостивый взор его вмиг рассёк путы губительных пристрастий моего эго. Сколь же велико могущество его пронзительного взора!

55. Потерявшись в бессмысленном круговороте рождений и смертей, я отдал себя в руки моего Учителя, и, благодаря его милости, сердце моё стало чистым и безмятежным. И далее посредством проясняющей духовной практики, в которой я принял его святые стопы как истинный путь, я слился с природой Реальности, в результате чего ужасный грех [забывания моей истинной природы] более не повторялся.

Книга «Шри Гуру Рамана Прасадам»

56. Из-за забывчивости [*прамады*], возникшей вследствие греха уклонения от выяснения того, что является истинно реальным, я упивался иллюзорным существованием физического тела. Но Господь посредством милостивого взора своего соединился с моим сознанием и привёл меня к согласию с истинным существованием, к бескрайности открытых небес [Я].

57. Благодаря дарующему милость взору моего Господа, которого я совершенно не достоин, чудесная и удивительная уловка мировой иллюзии утратила свою силу, и, когда, подобно грёзе, развеялись как рабство, так и освобождение, я вошёл в состояние Я – самой моей сияющей природы.

58. Я был учёным глупцом. Убогий ум мой ничего не знал до тех пор, пока не оказался я рядом с ним, чей взор наполнил моё сердце светом осознанности. Пребывая в этом благостном состоянии покоя, чья природа есть *мауна*, которую столь трудно достичь и постичь, я вошёл в бессмертное состояние знания реальности.

59. Шива Рамана, чья исполненная милости форма есть чистейшее золото, явился и притянул к себе моё порочное эго, и сделал меня своим слугой. И божественной любовью расцвела истинная осознанность – под его взглядом и благодаря чистой и сияющей реальности его природы, чья форма – высочайшее блаженство.

Венкатасубраманьян и я изначально планировали издать нашу версию «Раманы Пуранам» самостоятельно, однако, когда Сундарам, Президент Шри Раманашрама, спросил, может ли он её издать, мы отдали нашу финальную версию ему, и он издал её затем как публикацию ашрама. А когда я сказал ему, что Роберт в частном порядке издал свой перевод труда «Шри Гуру Рамана Прасадам», он тут же предложил выкупить у него весь тираж и продать его в книжном магазине ашрама.

«Шри Рамана Саннидхи Мурай», труд, начинающийся поэмой «Рамана Пуранам», никогда не переводился на английский полностью. Профессор К. Сваминатан перевёл почти половину этого произведения, и затем опубликовал свой перевод в сборнике избранных работ «С благоговением к присутствию», изданном Шри Раманашрамом. Венкатасубраманьян, Роберт и я перевели ещё две поэмы оттуда – «Тируканнокам» и «Упадеша Тирувахавал», остальные же части этого труда существуют пока только на тамильском.

Последние примерно лет десять Венкатасубраманьян, Роберт и я совместно работали также и над другими, более мелкими, переводческими проектами – преимущественно длинными статьями о тех тамильских святых, о которых Бхагаван высказывался с очевидным почтением. Отталкиваясь от строк из поэтических сочинений этих святых, которые цитировал Бхагаван, мы находили исходные тексты этих сочинений на тамильском и делали новые переводы, как правило, переводя эти поэмы полностью. Один из этих святых – Гуру Сорупананда – привлёк наше внимание, прежде всего, благодаря тому, что Бхагаван включил его единственно известное сочинение, «Сорупа Сарам», в перечень шести обязательных к прочтению книг, который он дал Аннамалаю Свами в 1930-х гг. Этот труд никогда не переводился на английский и в течение многих лет не издавался даже на тамильском языке. Мы приняли решение издать его в двуязычном варианте (на тамильском и английском), что вернуло бы в печать исходный тамильский текст и позволило бы также и англоязычным читателям узнать, почему Бхагаван считал этот труд столь выдающимся.

У Бхагавана была особая причина любить Сорупананду. Несколько раз он рассказывал историю, в которой Сорупананда заставил замолчать умы группы скептически настроенных и сомневающихся посетителей тем, что он сам хранил безмолвие и оставался как Я. Вот как выглядит эта история в его пересказе, изложенном в книге «День за днём с Бхагаваном» и датированном 21 ноября 1945 года:

Таттуварайя [старший ученик Сорупананды] сочинил *бхарани* [вид поэтического произведения на тамили] в честь своего Гуру Сорупананды и созвал собрание учёных пандитов, чтобы они послушали это сочинение и дали ему оценку. Однако пандиты принялись выдвигать возражения, настаивая на том, что *бхарани* могут сочиняться только в честь великих героев, способных убить тысячу слонов, и что сочинение такого произведения в честь аскета противоречит существующим правилам. На это автор ответил так:

– Давайте мы все пойдём к моему Гуру и выясним этот вопрос у него.

Все вместе они отправились к Гуру, и, когда они к нему пришли и расселись по своим местам, автор сочинения рассказал ему о цели их визита. Гуру сидел в молчании, остальные тоже хранили *мауну*. Так прошёл весь день, наступила ночь, затем прошло ещё несколько дней и ночей, все продолжали сидеть в тишине, и ни у кого из них не возникло ни единой мысли, и никто не подумал и не спросил, зачем они сюда пришли. По прошествии трёх или четырёх дней такого состояния Гуру придал некоторое движение своему уму, в результате чего мыслительная деятельность собравшихся возобновилась, и затем ими было заявлено следующее:

– Победа над тысячей слонов – ничто в сравнении с силой этого Гуру, повергшего объятых азартом гона слонов всех наших вместе взятых эго. И посему несомненно, что он заслуживает *бхарани* в свою честь.

Сорупананда описал свой опыт переживания Я в стихах, составивших труд «Сорупа Сарам». По форме это сочинение представляет собой ряд кратких вопросов и ответов со следующими за каждой из этих пар более развёрнутыми ответами. Следующий фрагмент этого труда (стихи 14-19) демонстрирует изящество адвайтической чистоты ответов Сорупананды. Нетрудно увидеть и понять, почему Бхагаван ценил этот труд достаточно высоко, чтобы включить его в список обязательной литературы для Аннамалая Свами:

Вопрос: Какое благо происходит от переживания [Я]?

Ответ: Человек становится владыкой царства освобождения.

Я обрёл верховную власть, которая никогда не будет утрачена. Я сжёг пару противоположностей – счастье и горе. Я прекратил жить как телесные чащобы, мучающие ум. Я вошёл в чертоги освобождения и поселился в них.

Вопрос: Какой спектакль будет наблюдать сей владыка на своей сцене?

Ответ: Он станет свидетелем танца трёх *авастх* (бодрствования, сна со сновидениями и сна без сновидений).

В состоянии бодрствования я буду наблюдать танец пяти органов действий и пяти органов чувств. Во сне со сновидениями я увижу танец ума. В свободном от мыслей состоянии сна без сновидений я буду танцевать лишённый объектов танец пустоты. И при этом я [всегда] буду оставаться высочайшей сущностью, [Я].

Вопрос: Где было это переживание тогда, когда вы [ранее] воспринимали счастье и страдание как «я»?

Ответ: И тогда я тоже оставался как Я. Ничем иным я и не был.

Кем же был тот, кто оставался как [эго], «я»? Если я увижу его, то не позволю ему принять телесную форму. Лишь то «Я», чья форма – сознание, есть истинное «Я». Все же прочие «я» привязываются к форме и проходят через рождение и смерть.

Вопрос: Я [Атман], вездесущ. Разве оно не станет связанным, вовлекаясь в деятельность?

Ответ: Так как Я остаётся свидетелем, подобно солнцу, оно не будет связано.

Даже если я несу бремя семьи, и оно следует за мной, подобно тени, или, если даже находит облако, зовущееся «*майей*», я, несомненно, есть солнце знания, самосветящееся, будучи чистым светом, и остающееся свидетелем [мира].

Вопрос: Но *джняни* не остаётся неподвижным, как солнце.

Ответ: Он тоже остаётся неподвижным.

Что бы ни происходило, какие бы действия ни совершались, чем бы я ни наслаждался, я – лишь чистое сознание, я остаюсь отстранённым и осознанным, не становясь ничем из происходящего.

Вопрос: Всё движется, ибо всё приводит в движение Я. А посему, связано ли Я?

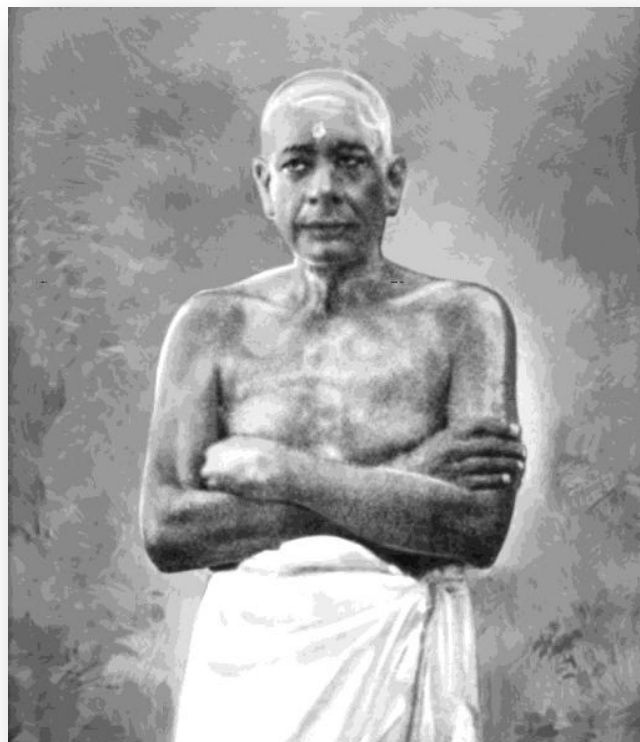
Ответ: Как и для верёвки, заставляющей вращаться волчок, для него нет связанности.

Подобно тому, как волчок приводится в движение верёвкой, желания в моём присутствии приносят свои плоды. Но так же, как и верёвка, используемая для вращения волчка, я с ними не срастаюсь. Я избавился от связи с ними. Я стал своим собственным Я. И связанность моя воистину исчезла.

Отношения Сорупананды и Таттуварайи, его старшего ученика, имели ряд сходств с отношениями Бхагавана и Муруганара. В обоих случаях преимущественно хранивший безмолвие могущественный Гуру привёл к освобождению зрелого ученика, продолжавшего писать тысячи стихов, которые либо прославляли Гуру, либо содержали его наставления, либо описывали какой-либо аспект его собственного переживания Я. Завершив работу над «Сорупа Сарам», Венкатасубраманьян, Роберт и я перевели некоторые из тех тысяч стихов, авторство которых приписывалось Таттуварайе. Этот перевод [английский вариант] опубликован в Интернете и также его можно найти в журнале «Горный путь» [*The Mountain Path*].

Помимо этого, наши исследования и переводческая деятельность в последние годы были посвящены ещё одному не слишком известному тамильскому святому. Звали его Гухай Намашивая, и жил он на Аруначале около четырёхсот лет назад. Традиционная история его жизни повествует о том, что он пришёл в Тируваннамалай из Шри Шайлама (штат Андхра-Прадеш). В путешествии к Аруначалу его сопровождал Вирупакша Девар, человек, чьим именем была названа Пещера Вирупакша. Они оба были преданными одного и того же Гуру, и оба получили его разрешение на переселение из Шри Шайлама в Тируваннамалай. О Вирупакше Деваре известно очень мало, зато существует множество историй о Гухай Намашивае, и вдобавок он является автором большого количества стихов, прославляющих Аруначалу. Кроме Бхагавана, он единственный из известных мне святых, кто утверждал, что он достиг освобождения с помощью силы Аруначалы, и кто в дальнейшем восхвалял её в стихах, благодаря за ту роль, которую она сыграла в его окончательной реализации.

Шивапракашам Пиллай

*Мантапам Храма
Гухай Намашивая,
где в первом
десятилетии
двадцатого века
жили Бхагаван и
Кирай Патти.*

*Внутренний двор Храма Гухай
Намашивая. На песке этого
двора Бхагаваном было написано
несколько ответов, вошедших
впоследствии в эссе «Кто я?»*

В Храме Гухай Намашивая, расположенном на нижних склонах Аруначалы, примерно в 1901 году в течение недолгого времени жил Бхагаван. Именно там Шивапракашам Пиллай увидел его впервые и записал ответы, изданные в дальнейшем в виде эссе «Кто я?». После переселения Бхагавана выше по горе в Пещеру Вирупакшу, мантапам, примыкавший к храму самадхи Гухай Намашивая, заняла Кирай Патти, пожилая женщина, кормившая Бхагавана в первом десятилетии прошлого века. Широко распространено мнение о том, что Кирай Патти была предыдущей инкарнацией коровы Лакшми, достигшей освобождения в Раманашраме в 1948 году.

В 1980 году я много раз приходил в Храм Гухай Намашивая. Я чувствовал необычайное спокойствие и силу этого места, несмотря на всегдашний уличный шум Тируваннамалай, доносившийся снизу.

Заинтересовавшись местом, имевшим на меня такое воздействие, я провёл небольшое расследование и узнал о публикации 136 стихов Гухай Намашивая, в которых рассказывалось о его переживании, связанном с Аруначалой, и жизни на горе.

Как-то раз в 1980-х гг. В. Ганешан, работавший в то время редактором журнала «Горный путь», попросил меня разыскать в архивах ашрама текст, содержащий мифические истории о Тиручули, городе, где родился Бхагаван. В ходе поиска я заметил одну рукописную тетрадь, на обложке которой было написано по-тамильски «Гухай Намашивая». Раздумывая, что бы это могло быть, я её открыл и увидел сотни тамильских *венба*-стихов, все из которых приписывались Гухай Намашивая. Я забрал эту тетрадь в ашрам, чтобы изучить её получше. Первым же открытием стало то, что сделанные в ней записи принадлежали руке Бхагавана. Это разожгло моё любопытство ещё сильнее. Я пришёл к выводу, что Бхагаван переписывал эти стихи в тетрадь примерно в 1901 году, когда он ещё жил на горе. В те времена среди имущества владельца Храма Гухай Намашивая всё ещё можно было найти манускрипты, написанные на пальмовых листьях. Они исчезли в конце 1970-х гг. после того, как какой-то человек, пообещавший их опубликовать, унёс их с собой и больше не вернулся. Таким образом, всё было очень похоже на то, что тетрадь Бхагавана стала единственным в мире местом, где хранились записи значительного большинства стихов Гухай Намашиваи.

В те дни у меня не было возможности уделить им достаточно внимания. Роберт исчез с горизонта, уехав в Англию, а партнёрские отношения с Венкатасубраманияном у нас ещё не установились, хотя к тому времени он уже пару раз помогал мне с небольшими переводами. Я отложил тетрадь и решил, что когда-нибудь в будущем, когда у меня будет больше времени и возможностей, я к ней ещё вернусь.

Уезжая в Лакнау в начале 1993 года, я думал, что приеду назад через несколько недель. Когда стало ясно, что я задержусь там надолго, я отдал ключи от своей комнаты в Раманашраме своему приятелю и попросил его прибрать в ней и сдать всю литературу в хранилище. У меня был чемодан, полный книг и рукописей, взятых в библиотеке и из архивов ашрама. Я попросил своего друга вернуть обратно все книги и бумаги, поскольку не знал, когда именно смогу вернуться. Возвращение в ашрам заняло у меня три года. Вернувшись наконец, я раскрыл чемодан, в котором хранились бумаги и рукописи. И единственным, что находилось в этом пустом чемодане, была рукопись «Гухай Намашивая». Я воспринял это как намёк на то, что я должен ею заняться и предпринять усилия к её изданию.

Много лет назад Рамасвами Пиллай рассказал мне одну историю. Как-то раз он спросил Бхагавана:

— Как мне узнать, решая, что мне следует делать, является ли некое действие правильным или таким, которое лишь отвлечёт меня от чего-то более важного?

В тамильской традиции судьбу, или предназначение, принято сравнивать с кладью, которую человек несёт на своей голове.

Бхагаван ответил:

– Трижды сбрось её с головы, и если она снова три раза запрыгнет к тебе на голову, то это и есть то, с чем ты будешь иметь дело.

Видя рукопись, которую я пытался вернуть несколько лет назад, всё ещё покоящейся на дне моего чемодана, я подумал тогда, что это – иллюстрация к словам Бхагавана. Когда-то я просил вернуть эту рукопись, но она по-прежнему здесь – продолжает лежать в моём чемодане и требовать моего внимания. Проект опять запрыгнул мне на голову.

Я показал рукопись Венкатасубраманьяну, который переписал и отредактировал стихи, подготовив их к публикации на тамильском. Шри Раманашрам согласился их издать, поскольку им подошла тема (Аруначала) и заинтересовала связь Бхагавана с местом, где эти стихи были сочинены. Примерно в то время, когда Венкатасубраманьян, Роберт и я заканчивали работу над книгой «Гуру Вачака Ковай», мы решили, что теперь, наконец, настал час для издания и английского перевода стихов, к записи и сохранению которых более столетия тому назад приложил свои усилия Бхагаван.

*Роберт Батлер
сидит на моей
веранде примерно
в один из тех дней,
когда мы
приступили к
переводу поэзии
Гухай Намашиваяи.*

На момент,
когда я это пишу
(июль 2014 г.), все
стихи уже
переведены и
написана длинная
биографическая
вводная статья, в

которой описаны все известные обстоятельства жизни Гухай Намашивая. Однако книга пока не издана, поскольку я ещё продолжаю писать примечания и пояснения к тем стихам, в которых затрагиваются малоосвещённые темы из области религии и культуры.

У Гухай Намашивая был знаменитый ученик, Гуру Намашивая, который жил с ним на Аруначале до того, как был послан своим Гуру в Чидамбарам для проведения важных восстановительных работ в тамошнем храме. И, поскольку интересны как история жизни его ученика, Гуру Намашиваяи, так и тот факт, что он тоже писал волнующие душу стихи об Аруначале, мы дополним нашу книгу разделом с материалом о его жизни, который нам удалось отыскать, и его самой известной поэмой «Аннамай Венба», воспевающей величие Аруначалы.

Вот несколько стихов (22, 26, 31, 33, 39, 99) из «Аннамай Венбы», сочинённых примерно в XVI в. Аннамай – это тамильское название Аруначалы. Оно означает «недостижимая, или неприступная, гора», согласуясь с главной легендой об этой горе. Чтобы показать своё превосходство над Брахмой и Вишну, Шива воплотился в столб света и предложил двум другим богам найти либо его вершину, либо основание. И у обоих богов ничего не вышло. Позднее Шива сгустил световой столб до горы Аруначалы, чтобы преданные и боги могли поклоняться его менее ослепительной форме.

Гора, мрак духовного неведения рассеивающая.
Гора, для преданных проясняющая, что есть ложь.
Гора в форме *джняны* совершенной.
Гора, явившаяся мне, ничтожному псу,
Как отец, мать и *Садгуру*:
Аннамай.

Небесная Гора, что, в мир придя
Как Гуру мой Ом Намашивая,
Пребывает в сердце преданного этого.
Гора, плоды содеянного ранее уничтожившая.
Гора, конец всему страданию великой череды рождений,
Числом невыразимых, положившая:
Аннамай.

Гора, что есть дивный сладостный мёд
Чистой Шива-*джняны*,
Голодные мученья унимающий.
Гора, благодатным ликом Своим преданных вечно радующая,
Гася иллюзии волны одурманивающие:
Аннамай.

Величественная гора, что, будучи Гуру моим,
Держит меня во власти Своей,
Спасая от блужданий среди всё прибывающих рождений,
Вкладывая истинное знание сладостное в руку мою
И смыкая стопы Свои поверх головы моей:
Аннамай.

Гора, что преданным, осанну ей поющим,
Даёт все блага им желанные,
Первейшее из коих есть освобождение.
Гора, во славу нетленную облачённая.
Гора, что, будучи *Садгуру* моим, господствует надо мной,
Порочной тварью, коей являюсь я:
Аннамай.

Гора, несокрушимое освобождение дарующая.
Гора, что, уничтожая для преданных Своих
Деяний следствия неистребимые, ободряет их, возвещая,
Что многоразличных рождений непреодолимый океан
Отныне будет тих:
Аннамай.

Под «неистребимыми следствиями деяний», упомянутыми в последнем стихе, подразумевается *санчита* карма, общий кармический долг, остающийся после всех предыдущих жизней.

И это подводит меня к концу моего обзора. У меня есть ещё несколько проектов, находящихся в работе, однако ни один из них пока не проработан в степени достаточной, чтобы быть включенным в этот перечень опубликованных и близких к публикации книг. Может быть, когда-нибудь появится новый обзор.